

Протоколы Политбюро ЦК ВКП(б) как исторический источник по проблемам формирования и проведения советской внешней политики конца 1920-х—1930-х гг.

Он привык внимать словам приказов как особым словам, не похожим на человеческую речь. Они имели не смысл, не значение, а собственную жизнь и власть. Дело было не в том, исполнен приказ или не исполнен. Приказ как-то изменял полки, улицы и людей, даже если его и не исполняли.

Ю.Тынянов

Историкам повезло. Материалы советского Политбюро 20-30-х гг., прежде всего – копии его протоколов, оказались первоклассным историческим источником: многообещающим и вместе с тем скрытным, тусклым и непонятным.

Никаких следов докладов Сталина «о работе стихов» в протоколах Политбюро не обнаружилось. Инициатива обсуждения на Политбюро исходила, как правило, не от его руководителей, а от нижестоящих партийных и государственных органов. За редким исключением предметом решений служили не общие проблемы, а частные вопросы. Совокупность постановлений не являет непосредственному восприятию ни их мотивов, ни системы принятия, а сами резолюции, повествуя о несостоявшейся поездке наркома, ассигновании 200 (или 2-х) тысяч рублей, целесообразности приезда студенческой делегации и т. д., лишь намеком касаются основных задач и механизмов формирования внешнеполитического курса.

Это обуславливает необходимость рассмотрения некоторых своеобразных черт протоколов Политбюро как исторического источника, способов подготовки и процедур принятия его решений, перспектив изыскания новых документов о внешнеполитической деятельности Политбюро.

I

Отправным пунктом для анализа особенностей протоколов Политбюро конца 1920—1930-х гг. может явиться очевидная *лаконичность* большинства зафиксированных в них решений по внешнеполитическим делам. Как правило, подробные постановления принимались Политбюро при определении инструкций относительно переговорной позиции СССР либо утверждении предназначенных для последующего обнародования декларации. Так, в протоколах Политбюро можно «обнаружить» утвержденные им тексты интервью Чичерина и Литвинова или «Законы юных пионеров»¹. В тех случаях, когда рассматривалась целесообразность пересмотра отношений с теми или иными странами, формулировки постановлений Политбюро, напротив, зачастую приобретали урезанную или сжатую форму². При формулировании решения опускались указания на мотивы и международно-политический эффект, ожидаемый в результате выполнения предписываемых действий.

Одной из причин тяготения к краткости являлось стремление обеспечить *секретность* принимаемых Политбюро решений. Болезненным уроком для высших партийных и государственных органов стало вторжение китайских спецслужб в помещение представительства СССР в Пекине (апрель 1927 г.), приведшее к захвату (и, позднее, обнародованию) секретных материалов НКВД и Коминтерна. По следам этой акции и проведенного в Москве разбирательства Политбюро 5 мая приняло обширное постановление «О пользовании секретными материалами». Оно открывалось напоминанием о «старом испытанном принципе, что секретные дела должны быть известны лишь тем, кому это абсолютно необходимо знать». Порядок пользования материалами высших партийных органов ужесточался. Для протоколов Политбюро и Пленумов ЦК устанавливался «не более, чем 3-дневный срок их возврата», а для выписок из протоколов – семидневный. Выписки из особой папки подлежали возврату в 24 часа; впрочем, трем государственным органам (НКВД, НКВМ, ОГПУ), а также ИККИ, являвшимся основными получателями подобного рода документов, разрешалось «оставление этих материалов на более продолжительный срок под личную ответственность руководителя учреждения». Постановление категорически запрещало хранить секретные материалы на правах личных архивов; Секретному отделу ЦК поручалось «затребовать от всех товарищей имеющиеся у них секретные материалы ЦК»³. Недоверие

¹ См. Протокол Политбюро ЦК ВКП(б) № 82 от 30.5.1929. – РГА СПИ. Ф.17, Оп.3, Д.742. Л.7.

² См., например, решения «О Польше» от 31.01.1929, «О Чехо-Словакии» от 10.5.1931 (часть 1).

³ Цит. по: Приложение к постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О конспирации», 16.5.1929 // О.В.Хлевнюк и др. (сост.) Указ.соч. С.75-77. Своевременность пересмотра режима делопроизводства ЦК ВКП(б) подтвердили обыски, проведенные британской полицией в здании АРКОС и торговой делегации СССР в Лондоне в середине

к сложившейся системе, ощущение недостаточности мер по обеспечению секретности сказалось и в некоторых формулировках Политбюро. Одно из его решений (по вопросу «т. Молотова и Пятницкого», зафиксированное в «особом», т.е. «совершенно секретном», протоколе дополнительно помечено "совершенно секретно"⁴. Начиная с 1927 г. эвфемизм "инстанция", широко употреблявшийся в переписке НКВД, стал порой применяться в «совершенно секретных» решениях Политбюро (в качестве самоназвания)⁵. На протяжении последующих двух-трех лет режим секретности решений ЦК ВКП(б) продолжал совершенствоваться. В апреле 1929 г., вероятно, в связи с началом нового тура внутривнутрипартийной борьбы, Объединенный пленум ЦК и ЦКК принял постановление, которым предписывалось: "Установить специальные меры, — вплоть до исключения из ЦК и из партии, — могущие гарантировать секретность решений ЦК и ПБ ЦК"⁶. Резолюция пленума вскоре отозвалась развернутым решением "О конспирации", принятым Секретариатом ЦК ВКП(б) по указанию Политбюро (и утвержденным им). «Институт доверенных по 2-й категории (т. е. получающих секретные документы ЦК без права вскрытия)» ликвидировался, доверенные лица, обладающих правом вскрытия таких документов, оставались только у членов и кандидатов в члены Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК и членов Президиума ЦКК, выделенных для присутствия на заседаниях Политбюро и Оргбюро.⁷

Несмотря на принятые Политбюро меры, руководящие деятели партии и государства продолжали хранить в своих личных секретариатах постановления Политбюро с грифом «Особая папка», возможно, с молчаливого согласия коллег⁸. Однако на распространение важных решений Политбюро реагировало остро. В декабре 1928 г. «за рассылку по шести адресам архисекретного решения Политбюро ЦК ВКП(б) об Афганистане» заместитель наркома по иностранным делам Карахан получил выговор высшей партийной инстанции⁹. По всей вероятности обычным явлением стала задержка адресатами протоколов Политбюро на срок свыше трех дней. Подтверждая установленный в 1927 г. порядок, Политбюро двумя годами позже распорядилось не посылать следующего протокола до возврата предыдущего, тем самым фактически санкционировав увеличение этого срока вдвое¹⁰.

мая 1927 г. За этим последовало новое постановление Политбюро «О мерах конспирации», предписавшим «совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНО ОГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна и МОПРа», ежедневно менять шифры, «отменить систему широкой информации полпредств через рассылку особых докладов» (Протокол закрытого заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 106 (особый № 84), 28.5.1927, п. 2. - РГА СПи. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 24). В сентябре 1927 г. Оргбюро и Политбюро обратили внимание на доклады полпредов в Центр. «Все секретные вопросы» отныне следовало «выделять из обычных текущих докладов» и пересылать в НКВД в одном экземпляре. Практику направления в Наркоминдел «всех обычных докладов в шести экземплярах» было решено сохранить (они, впрочем, снабжались грифом «совершенно секретно») (Протокол № 123 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 8.9.1927, п. 26 (опросом). – Там же. Оп.3. Д. 650. Л.7.). В начале следующего года Политбюро создало комиссию для индивидуального пересмотра личного состава всех полпредств (Протокол № 7 (Особый № 7) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 26.1.1928, п. 5. – Там же. Оп. 162. Д. 6. Л. 15.)

⁴ Протокол № ... (особый...) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от ...1927., — РГА СПи. Ф.17. Оп.162. Д.5. Л..... К употреблению этого термина прибежал также Сталин в переписке с Чичериным (См. Письмо И.В.Сталина Г.В.Чичерину, 31.5.1929. – Там же. Ф.558. Оп.2. Д.48. Л.8).

⁵ Если в материалах коллегии НКВД Политбюро фигурировало как "правительство" и "сессия", то во внутренней документации наркомата по военным и морским делам использовался только первый из этих терминов.

⁶ Это решение было повторено в постановлении от 5 ноября 1930г. объединенного заседания Политбюро и Президиума ЦКК 4 ноября 1930 г. по делу группы Сырцова-Ломинадзе (Протокол объединенного заседания Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦКК ВКП(б) от 4.11.1930. – Там же. Ф.17. Оп.3.Д.802.Л.3.).

⁷ Протокол № 121 заседания Секретариата ЦК ВКП(б) от 24.5.1929, п. 55. – Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 731. Л. 11.

⁸ Например, постановление комиссии Политбюро о КПЗУ (касавшееся распределения сфер ответственности между партийными, государственными и коминтерновскими органами при ведении подрывной деятельности против Польши), утвержденное решением Политбюро 5 января 1928 г., осело в личном архиве генерального секретаря ЦК КП(б)У Л. М. Кагановича (РГА СПи. Ф. 81. Оп. 3. Д. 133. Л. 93).

Режим секретности в ведомственных архивах также оставлял желать лучшего. В обычном делопроизводстве Наркомторга исследователи обнаружили записку Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) и французские секретные документы, которые тот просил «уничтожить или держать в таком месте, где сохраняются наисекретнейшие документы» (См. В.М.Головкин, М.Г.Станчев, Г.И.Чернявский. Между Москвой и Западом: Дипломатическая деятельность Х.Г.Раковского. Харьков, 1994. С.289.)

⁹ Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 56, 27.12.1928, п. 19. – Там же. Д. 718. Л. 4.

¹⁰ Приложение 2 к постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О конспирации» // О.В.Хлевнюк и др. (сост.) Указ.соч. С.75.

Усиление режима секретности в конце 1920-х гг., в значительной мере вдохновлялись решимостью перекрыть каналы утечки сведений о международных акциях Москвы. Об этом свидетельствует принятое в августе 1928 г. постановление "О пакте Келлога" в связи с предложением исполняющего обязанности наркома по иностранным делам дать интервью об отношении СССР к Парижскому договору. "Никаких письменных документов по этому вопросу не допускать, - гласила вторая часть решения Политбюро. - Подготовка решения этого вопроса должна быть максимально конспиративна"¹¹. «Решение Политбюро», принятое двумя годами позже по докладу А. И. Микояна («О Германии»), повторяло ту же мысль: "Установить, как правило, по секретным вопросам никакой переписки не вести"¹². В соответствии с пафосом постановления, запись в протоколе оставляла неясным, относилась ли эта директива к переписке московских ведомств и их агентств в Германии, других странах или распространялась на ведение делопроизводства в центральных государственных и партийных органах.

В этих постановлениях коллективный разум Политбюро как будто нащупывал наиболее радикальное решение – вести важные международные дела на основе непосредственных устных указаний для обеспечения максимальной гарантии сохранения секретности. Эта установка, органично соединившая традиции военизированной конспирации с безусловным авторитетом диктатора, эффективно использовалась Ю. Пилсудским на всем протяжении его пребывания у власти. Однако принцип коллегиальности высшего партийного руководства и бюрократизированность подчиненных ему управленческих звеньев не позволяла последовательно провести подобную «реформу» в Советской России, по крайней мере до конца 30-х гг. В рассматриваемый период советское руководство отыскивало собственный, промежуточный путь, удаленный как от британского («Cabinet minutes»), так и польского («Rozmowy z Piisudskim») вариантов выработки и фиксации внешнеполитических решений. Он был найден, во-первых, в таком формулировании решений Политбюро, при котором его протоколы содержали минимальную информацию относительно дискуссий по наиболее важным международным делам. Дополнительным шагом в этом направлении стало исключение из протоколов, начиная с 1933 г., упоминаний лиц, вносивших соответствующие предложения и докладчиков на Политбюро. Не только у современного читателя, но и у получателя машинописных протоколов стало еще меньше возможностей для разгадывания содержания или даже темы отдельных постановлений по внешнеполитическим вопросам, скрывавшихся, к тому же, за общими заглавиями — «Об Америке», «О Польше», «Вопросы НКВД» и проч. Во-вторых, многие важные вопросы были либо выведены за рамки рассмотрения Политбюро, либо переданы в его комиссии, либо обсуждались членами Политбюро (возможно, и на заседаниях этого органа) без каких-либо отметок в протоколе (см. ниже). Судя по доступной документации центральных ведомств, с конца 20-х гг. многие вопросы, связанные с оказанием «финансовой поддержки» политическим деятелям, оплатой услуг зарубежной прессы, согласованием военных поставок и др., в Москве вообще перестали фиксировать на бумаге.

Навязчивое стремление к «конспирации» граничило с отношением к ней как к самостоятельной ценности¹³. На практике связь между пафосными требованиями «конспирации» и рутинными операциями по охране тайны решений Политбюро была, как показывает сводка по «учетным секретным материалам ЦК XVI созыва» удивительно слабой¹⁴. Размышления над аксиологическими схемами, лежащими в основе древних и современных деспотических режимов привели исследователя идеологии Китая В.А.Рубина к пониманию секретности как одного из присущих им атрибутов. Деятельность Цинь-Шихуанди по строительству стен, окружавших дороги к дворцам вана, дабы сохранить в полной тайне свое местопребывание, вдохновлялась двумя различными политико-мировоззренческими доктринами. Согласно легистской концепции Шэнь Бухая, «умному правителю» следует вести себя загадочно: «он укрывается в бездействии, прячет свои мотивы и скрывает следы». Легистская секретность и тактика

¹¹ Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 39 (особый 38), 25.8.1928, п. 15. - РГА СПИ. Ф.17. Оп. 162. Д. 6. Л. 123.

¹² Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 129 (особый 127) решений Политбюро ЦК ВКП(б) от 20.6 – 11-12.7.1930, п.22. - РГА СПИ. Ф.17. Оп. 162. Д. 8. Л. 170.

¹³ Дополнительно см.: Письмо И.В.Сталина Н.С.Алилуевой,1930 ../ Иосиф Сталин в объятиях семьи. М., 1993. С.32-33.

¹⁴ Руководящий сотрудник Секретного отдела летом 1932 г. докладывал Секретарю ЦК ВКП(б) П.П.Постышеву: «Простые выписки из прот[околов] ПБ не запрашивались с июля 1930 г. Самотеком же возвращено не более 60%. Выписки из о[собых] п[апок] запрашивались, но недостаточно настойчиво, вследствие этого до сих пор не возвращено около 200 экз. выписок 1932 года (не считая НКВД, ОГПУ и РВС, которым разрешено задерживать на длительный срок). Материалы ПБ для сведения и к заседанию, включая и ОП, не запрашивались до III-33 г., самотеком же возвратилось не более 60%» (Справка о работе V сектора ЦК ВКП(б) по рассылке и учету секретных материалов, 8.8.1933 // О.В.Хлевнюк и др. (сост.) Указ. Соч. С.78).

обмана окружающих уживалась у Циньского руководства с даосистской идеей таинственности, вытекающей из недоступности и невыразимости всеобъемлющего начала¹⁵. Продолжая параллель, намеченную крупным синологом, можно отметить, что недоговоренность, присущая постановлениям коллективного Цинь Шихуанди совмещала соображения секретности с сознательным уклонением от попыток охватить взглядом и непротиворечиво представить в своих постановлениях общие начала проводимой политики¹⁶. Соответственно, смысловая структура резолюций Политбюро, уровень их детализированности и степень краткости определялись существом рассматриваемых групп вопросов, отношением к ним со стороны Политбюро, и наконец, кругом лиц, которым письменное постановление адресовалось, одним словом – широко понимаемой *функциональной направленностью* записей в протоколах высшего партийного органа.

В конце 1920-х – начале 1930 гг. происходило лавинообразное разрастание потока дел, требовавших разрешения в Политбюро¹⁷, а его значимость как органа, коллективно вырабатывающего решения, снижается. Преобладают задачи санкционирования (или запрета) мер, предлагаемых представителями партийных, государственных организаций и ведомств¹⁸ (включая Оргбюро), контроля за исполнением принятых решений, а в случае, когда принятие окончательного решения представлялось самому Политбюро нецелесообразным — определение порядка согласования и выработки предложений, которым Политбюро давало свою санкцию. В высшей степени характерно, что оригиналами протоколов являлись серии отдельных карточек (листов), а оформление протоколов — объединение индивидуальных записей в виде единого целого осуществлялось главным образом для удобства пользования и рассылки¹⁹. Под стать небольшим листам стандартной или произвольной формы был и содержательный формат преобладающей части направляемых в Политбюро предложений о развитии взаимоотношений с внешним миром – текущих вопросов дипломатии, торговли, пропаганды, культурных связей и т.д. Повторяющееся разнообразие конкретных запросов находило естественное завершение в кратких резолюциях с преобладанием ограниченного набора безусловных формул — «принять», «отложить», «передать», «назначить».

Эти императивы служили своего рода гарантией четкости передачи повеления, предупреждали возникновение двусмысленности при интерпретации решений высшей инстанции исполнителем (партийным органом, ведомством, лицом). Политбюро конца 1920-х-1930-х гг. обладало авторитетом, при котором не требовалось убеждать исполнителей в целесообразности принятого им решения. Мотивирование и подробное разъяснение постановления, напротив, содержали потенциальную возможность такого истолкования директивы со стороны исполнителя, которое привело бы к действиям, противоречащим намерению Политбюро. С другой стороны, краткость решения, отсутствие в нем аргументации редуцировали возможность критической оценки путем оспаривания тех или иных тезисов постановления, более того – затрудняли само понимание резолютивного текста для всех тех, кто не был непосредственно причастен к подготовке, принятию или осуществлению постановления (включая некоторых членов Политбюро, например, отсутствовавших на заседании).

В редких случаях Политбюро приходилось делать уступку обстоятельствам. В начале 1930 г. назначенный полпредом в Варшаве В.А.Антонов-Овсеенко отказался выполнить решение Коллегии НКВД о вручении верительных грамот. Ссылаясь на общий смысл ранее полученных им указаний, он апеллировал к «Сессии». Политбюро предписало полпреду «пойти к министру и вручить верительные грамоты», но при этом поручило «указать» ему, что «мы не заинтересованы в обострении отношений с поляками». Такое косвенное раскрытие мотивов решения Политбюро (очевидных, впрочем, из первой

¹⁵ В.А.Рубин. Проблема секретности в древнекитайской мысли // Он же. Личность и власть в древнем Китае: Собрание трудов. М., 1999. С.82-87.

¹⁶ Об отсутствии у Политбюро отчетливой концепции внешней политики СССР см. введение к части I.

¹⁷ Резкое увеличение числа вопросов, зафиксированных в протоколах Политбюро, произошло в 1929-начале 1930 г., после чего их возрастание приняло более плавный характер (с 2857 пунктов в 1930 г. до 3945 в 1934 г.). В первой половине 30-х гг. среднегодовое число пунктов протоколов ПБ составило 3459, в 1935-1939 гг. оно снизилось до 3135 (Подсчитано по: О.В.Хлевнюк. Указ. соч. С.289).

¹⁸ О такой направленности работы Политбюро хорошо свидетельствует компоновка записок НКВД в высший орган власти (см. ниже). Лишь в редких случаях в этих документах анализировались различные практические варианты разрешения поставленных вопросов, не говоря уже о рассмотрении альтернативных проектов.

¹⁹ См. материалы РГА СПИ, Ф,17, Оп.163; О.В.Хлевнюк. Указ. соч. С.9-10; Н.Н.Покровский. Указ. соч. С. 21-23. О том, что такая очередность подготовки документации отражала ее содержательные функции косвенно свидетельствует записка члена Политбюро и наркома обороны управляющему делами НКО Смородинову, касавшаяся дел этого ведомства. "Впредь ни в коем случае не ждать пока будет подписан протокол (формальность), а немедленно сообщать заинтересованным лицам сущность решения (сущность дела) и следить за своевременным выполнением принятых решений" (Записка К.Е.Ворошилова И.В.Смородинову, 6.8.1935. — РГВА. Ф.4.Оп.18.Д.4.Л.42).

части постановления) было продиктовано, на наш взгляд, обстоятельствами более существенными, чем неуступчивость Антонова-Овсенко. Развертываемые в УССР антипольские акции пришли в начале 1930 г. в противоречие с потребностями стабилизации отношений с Польшей: на Правобережной Украине вместе со сплошной коллективизацией начались массовые протесты крестьян. Не отказываясь от прежних установок, высшее партийное руководство тем самым давало «сигнал» московской, харьковской и минской элите проявлять сдержанность, не доводя свое рвение до обострения советско-польских отношениях²⁰.

Другим примером — исключением, подтверждающим правило функциональной краткости, является важное политическое постановление "О поездке т.Литвинова", принятое опросом в конце октября 1933 г. (накануне визита наркома по иностранным делам в Париж, ознаменовавшегося секретными договоренностями с министром иностранных дел Франции о возрождении франко-русского союза²¹). В нем говорилось:

"а) Считать целесообразной остановку т.Литвинова в Берлине и не отказываться от бесед с Нейратом, а если пожелает Гитлер, то и с ним.

б) В случае, если немцы будут предлагать подписать протокол о том, что все конфликты улажены, то идти на это можно при условии, если они публично в той или иной извиняющейся форме выразят сожаление по поводу ряда неправильных действий германских властей в конфликте о журналистах. Если же они протокола требовать не будут, то ограничиться беседой в тоне, дающем им понять, что мы не намерены углублять конфликт и готовы сделать все необходимое для восстановления прежних отношений.

в) Считать целесообразным при проезде через Париж встречу т.Литвинова с Поль Бонкурмом, если соответствующее предложение т. Литвинову будет сделано"²².

Составители этой резолюции не могли не быть осведомлены об обстановке, возникшей после окончательного выхода Германии из Лиги Наций 14 октября 1933 г. Сложившееся к середине октября англо-французское единство взглядов на недопустимость "немедленного перевооружения Германии" распалось. Решения лондонского кабинета 23 октября пока оставались тайной для Москвы, однако "исключительно дружественная" встреча британского госсекретаря с немецким послом (20 октября) и действия рейхсканцлера, впервые удостоившего английского посла в Берлине официального приема (24 октября) нашли адекватное отражение в сообщениях мировых информационных агентств: Великобритания начинала новый раунд усилий по достижению двусторонней договоренности с Германией по проблемам безопасности и вооружений. Уже по этой причине Гитлер был менее, чем когда бы то ни было заинтересован в публичном примирении с Советами и изъявлении сожалений по поводу действий властей Германии, предпринятых месяцем ранее в отношении советских корреспондентов; выступление Гитлера 24 октября содержало авансы по адресу Польши, но отнюдь не Советского Союза.

В конце сентября Гитлер передавал через посла Дирксена и статс-секретаря Бюлова, что "хотел бы... заявить о своем твердом намерении наладить дружественные отношения с СССР кому-либо из руководящих людей из центра", поведать им, что "как политические, так и географические условия требуют безусловной дружбы между СССР и Германией и это должно быть осуществлено, как бы другие государства не стремились создать между ними конфликт". Протянутая рука национал-социалистского рейхсканцлера была тогда отвергнута без церемоний: советские представители отвечали, что заместитель наркома Крестинский передумал ехать к немецким врачам и решил показаться венским профессорам, отчего принять приглашение Гитлера ему недосуг. Немцам дали даже понять, что Крестинский нарочно изменил свои планы, чтобы избежать общения с канцлером²³. Для большинства получателей протоколов Политбюро эти германские обращения и ответ на них советского руководства оставались неизвестными, равно как и отказ Гитлера подвергнуть малейшей критике исполнителей его директивы о недопущении советских журналистов в Лейпциг. Будь они осведомлены об этих фактах, «читатели» "особых папок", вероятно, признали бы совершенной фантастикой директивы Литвинову относительно переговоров в Берлине.²⁴

²⁰ См. комментарии к решениям «О Польше» от 25.01.1930 (часть 1), «Об Украине и Белоруссии» от 11.3.1930 (часть 3).

²¹ См. З.С.Белоусова. Франция и европейская безопасность, 1929-1939. М., 1976. С.152.

²² Протокол № 148 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 1.11.1933, п. 102/82 (опросом от 25.10.1933). – РГА СПИ. Ф.17. Оп.162. Д.15. Л.119.

²³ Запись беседы Л.М.Хинчука с Б.Бюловым, 27.9.1933. — АВП РФ. Ф.082. Оп.16. П.73. Д.7. Л.298-297; Запись разговора Л.М.Хинчука с Г.Дирксеном, 12.10.1933. — Там же. Л.319.

²⁴ Действительно, последующая беседа Литвинова с Нейратом свелась к взаимным препирательствам о вине каждой из сторон в создавшемся на почве лейпцигского процесса "журналистском конфликте" (Aufzeichnung des Reichministers des Auswaertigen Freiherr von Neurth, 28.10.1933 // ADAP. Ser. "C". Bd. II, 1. S.52-53; Из дневника М.М.Литвинова, 28.10.1933 // ДВП СССР. Т.XVI. С.589-590.

Столь же лукаво было сформулировано предположение о встрече наркома с Ж.Поль-Бонкуром. Растущее одиночество Франции в кругу великих держав, сотрудничество Литвинова с Поль-Бонкуром в Женеве и, наконец, сообщение полпреда Довгалева о том, что французский министр в беседе с ним 20 октября (т.е. до рассматриваемого решения Политбюро) заявил о заинтересованности Франции в заключении с СССР договора о взаимной помощи²⁵, не оставляли никаких сомнений в том, что Ж.Поль-Бонкур пригласит Литвинова для дискуссии на сообщенную им ранее тему.

Практическое существо резолюции Политбюро состояло, таким образом, в признании "целесообразности" обсуждения, о котором Поль-Бонкур предупредил Москву, и в желании подготовить "общественное мнение" узкого правящего слоя к повороту в советской внешней политике. Выбор руководителей Политбюро в пользу сближения с Францией следовало объяснить более широкому кругу высокопоставленных функционеров, продемонстрировав, что вина за разрыв рапалльских отношений лежит на немцах. Рассмотрение несуразностей и асимметричности постановления "О поездке т.Литвинова" показывает, что именно эти задачи решало постановление Политбюро, на первый взгляд столь чистосердечно раскрывавшее готовность "сделать все необходимое для восстановления прежних отношений" с Германией. Напротив, принятое двумя месяцами позже постановление «О Франции», открывавшее путь сближению СССР с будущими союзниками по антигитлеровской коалиции, было лишено указаний на какие-либо мотивы, побудившие его «не возражать» против заключения «регионального соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии»²⁶. Было бы, однако, опрометчиво использовать сопоставление буквального смысла этих постановлений в качестве аргумента в нескончаемой (и в значительной мере бесплодной) дискуссии о том, насколько «искренним» был «антигитлеровский курс» СССР в 30-е гг. и т.д.

Проблема, думается, лежит в иной плоскости. Предложенный выше краткий критический анализ предостерегает против непосредственного восприятия "кремлевских тайн", зафиксированных в протоколах Политбюро. «Откровенность» и «красноречивость» немногих постановлений Политбюро обладала тем же общим функциональным смыслом, что и клишированность и лапидарность основной массы его решений. Во всех рассмотренных вариантах – подробная мотивация, косвенное указание на мотивы и полное отсутствие такого компонента в постановлениях Политбюро – этот смысл определялся не столько непосредственной информационной насыщенностью сообщения, сколько его социально-коммуникативными аспектами и был связан с феноменом «сталинских сигналов» (как назвала его Ш.Фитцпатрик). Она отмечает парадоксальность положения, при котором режим, известный требовательностью к исполнению директив Центра, избегал «ясности в формулировании политической линии». «Фактом является, однако, то, что важные изменения в политике скорее «сигнализовались», чем сообщались в форме ясной и детальной директивы. Сигнал мог быть дан в выступлении и статье Сталина или в редакционной статье или обзоре в «Правде» или же посредством показательного процесса или в форме опалы заметной фигуры, связанной с определенными тенденциями политического курса», — констатирует американский историк²⁷. Предназначенные для распространения в среде правящей элиты²⁸, протоколы Политбюро выполняли сходное предназначение. Они подавали сигнал исполнителю и более широкому кругу «читателей». Если, например, сжатое «багажа не вскрывать» было адресовано руководителям ОГПУ и НКВД, ждавшим указаний относительно имущества г-жи Озолс²⁹, то почти одновременно принятая директива «в разговоре с румынами исходить из решения правительства СССР по бессарабскому вопросу о плебисците, обусловленном всеми гарантиями для свободного выявления населением его отношения к этому вопросу», имело ввиду более широкие потребности. Партийно-государственной верхушке, встревоженной непредвиденным исходом кампании за подписание Московского протокола, Политбюро «сигнализовало», что на новые уступки Румынии оно не пойдет. Пышная фраза о гарантиях свободного волеизъявления, исходившая из круга признанных специалистов по самоопределению народов, подавала иронический знак, понятный партийному общественному мнению. Не будь нужды в расширении поля принятия этого «сигнала», Политбюро, в соответствии с обычной практикой, несомненно поставило бы точку вместо запятой в середине фразы³⁰.

²⁵ Там же. С.577.

²⁶ См. решение «О Франции» от 19.12.1933 (часть 1).

²⁷ Sheila Fitzpatrick. *Everyday Stalinism. Ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s*. N.Y., Oxford, 1999. P. 26.

²⁸ К сожалению, остаются неизвестными ни точный круг лиц, получавших в тот или иной период «рассылочные» протоколы Политбюро, ни более узкий состав руководителей, знакомившихся со сводом постановлений под грифом «Особая папка». Выявлен лишь перечень адресатов, утвержденный в конце 30-х гг. (см.: Постановление Политбюро о рассылке протоколов заседаний Политбюро ЦК, 16.10.1938 // О.В.Хлевнюк и др. (сост.) Указ. соч. С.81-82).

²⁹ См. решение «О латышах» от 14.3.1929 (часть 1).

³⁰ См. решение «О Румынии» от 28.3.1929 (часть 1). Как известно, антагонизм между СССР и Румынией

Новые исследования и наблюдения позволяют подтвердить издавна существовавшее представление о том, что практика «конспирации» и «сигнализации» «сознательно или бессознательно» использовалась правящим режимом для укрепления и освящения своей власти, приданию ей сакральных свойств³¹. Применительно к сухим протоколам ПБ ЦК ВКП(б) эти характеристики, думается, чрезмерно метафоричны. Несомненно, однако, что поиски устойчивой легитимации и организации власти, занимавшие Сталина его коллег по Политбюро, в многих важных отношениях следовали проложенными (и замшелыми) историческими тропами. Отрицание принципов, на которых основывались современные государственные институты заставляло большевистский режим подкреплять властные механизмы архетипическими ритуальными нормами. Архаизация методов хозяйствования управления экономикой в конце 20-х—начале 30-х гг. дала сильный импульс "опрощению", примитивизации способов осуществления власти в целом³². Почти одновременно завершилось изгнание из правящей элиты "инородных" групп, оппозиционная деятельность которых являлась попыткой, в частности, заставить партийное большинство уважать современные, "парламентские" методы борьбы³³. Осуществлявшиеся под лозунгом "модернизации" перемены обескровили современные элементы культуры большевизма; дискуссия об "азиатском способе производства" и взаимоотношения Петра и Ивана с боярством оказались ближе к актуальной политической проблематике режима, чем французский коммунальный эксперимент 1871 г. Неудивительно поэтому, что официальные записи высшего органа власти несли на себе отпечаток забот, во многом характерных для возносящихся элит традиционных обществ — укрепление социального престижа высшей инстанции, стабильное функционирование иерархически подчиненных уровней власти (при одновременном демонстрировании лояльности к старинным родоплеменным институтам (или уставу) и традициям большевистской партии — коллективности руководства, партийной демократии и проч.³⁴)

Особенности языка протоколов Политбюро не только отражают их прикладное назначение и бюрократическую рутину, но и свидетельствуют о формировании дискурса — особого использования языка для выражения устойчивых психо-идеологических установок "инстанции". Этот дискурс предполагал и создавал особого "идеального адресата", un Destinaire idéal, по определению П.Серио³⁵, — такого типа "воспринимателя" высказывания, который "принимает все пресуппозиции каждой фразы, что позволяет дискурсу осуществиться; при этом дискурс-монолог приобретает форму псевдо-диалога с идеальным адресатом, в котором (диалоге) адресат учитывает все пресуппозиции"³⁶. Тенденция к сжатию смысловых компонентов, являющихся условием истинности суждения (например, анализа

вызывался не различием подходов к организации плебисцита в Бесарабии, а его абсолютной неприемлемостью для Бухареста.

³¹ См. Sheila Fitzpatrick. Ibid. Н.Н.Покровский уподобил принятие решений «инстанции» «сакрализованному действию» (Н.Н.Покровский. Источниковедение советского периода: документы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) первой половины 1920-х гг.// Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 36). Разумеется, в этом нет ничего необычного: «политическая жизнь и церемониал не суть отдельные явления, одно серьезное, другое поверхностное. Ритуал – не маска силы, но сам по себе способ властвования» (David Canadine. Introduction: divine rites of kings // David Canadine and Simon Price (eds.) Rituals of royalty: power and ceremonial in traditional societies. Cambridge, etc., 1987. P.19).

³² См. Andrea Graziosi. The great Soviet peasant war: Bolsheviks and peasants, 1917-1933. Cambridge, Mass., 1996. P.71-72.

³³ Достаточно вспомнить, что логика борьбы нечаянно (и скандально) привела Л.Д.Троцкого к тому, чтобы в качестве исторического образца поведения оппозиции избрать Ж.Клемансо — "тигра" классического парламентаризма.

³⁴ Сила этих традиционных установлений сказывалась в терминологии, согласно которой которой деятельность партийных органов, включая Политбюро, направлялась *секретарями*. Именно в этом качестве протоколы Политбюро подписывались Сталиным, а в его отсутствие Молотовым или Кагановичем. Когда в протоколе Оргбюро (от 27 августа 1928 г.) появилась запись о возложении функций председателя этого органа на Кагановича, Томский немедленно заявил протест. "...До сих пор в нашей практике мы избегали института председателей в парторганах, — написал он Молотову. — Правда практически председательство в Оргбюро и Политбюро всегда поручалось какому-либо одному товарищу (Каменев, а потом Рыков — в П.Б., Молотов — в Оргбюро), но таковой формально не являлся председателем П.Б. или Оргбюро". Молотов немедленно извинился за свою невнимательность и заверил, что протокол Оргбюро будет должным образом изменен (Записка Томского Молотову, 31.8.1928. — РЦХИДНИ. Ф.81.Оп.3.Д.255. Л.97; Записка Молотова Томскому, 1.9.1928. — Там же. Л.98).

³⁵ Основные выводы классической работы Патрика Серио "Analyse du discours politique soviétique" (1985) изложены в: Ю.С.Степанов. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности// Ю.С.Степанов (ред.) Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С.38-44. Благодарим Н.Б.Вахтина, указавшего нам на значимость исследований П.Серио для лучшего понимания этой темы.

³⁶ Там же. С.42.

международной ситуации), в текстах протоколов возмещалась широкой эксплуатацией прагматической пресуппозиции. Утверждения типа "считать целесообразным при поезде через Париж встречу т.Литвинова с Поль Бонкуром, если соответствующее предложение т.Литвинову будет сделано" дарили адресату подсознательную уверенность в том, что такое решение является единственно правильным, поскольку смысловое обоснование подменялось прагматической суппозицией — чем-то само собой разумеющимся для источника высказывания (в самом деле, странно было бы отказываться от приглашения встретиться и поговорить, если оно исходит от представителя страны, с которой установились неплохие отношения!). Практика умолчаний приглашала адресата, принявшего эти правила игры, к сотворчеству, достраиванию отсутствующих в тексте компонентов по аналогичному образцу. Желая "понять" резолюцию "багажа не вскрывать" мог легко дополнить это высказывание известными ему "ввиду нецелесообразности", "мы не заинтересованы в обострении отношений с латышами" и прочими прагматическими (или псевдо-семантическими) пресуппозициями. В результате отрывистые монологичные постановления трансформировались в "псевдо-диалог" авторов с читателями. Осуществляемые через систему рассылки протоколов и ознакомления с ними систематические упражнения в заочных вертикальных беседах (в разных формах проходящих через всю советскую эпоху) вырабатывали поистине "идеального" участника социально-языковой игры³⁷.

"Дискурс Политбюро" приглашал адресатов к "диалогу" с "инстанцией" и вместе с тем вводил его в жесткие рамки. На такое социальное значение языковых клише, столь характерных для языка протоколов Политбюро, еще в 30-е гг. обратил внимание академик А.Д.Сперанский. Начав с утверждения, что Сталину «чужды заботы стилиста», он нечаянно пришел к заключению: «Он не боится повторений. Мало того, он ищет их. Они у него на службе. Он, как гвоздем, прибывает к сознанию то, что является формулой поведения...»³⁸. «Формула поведения» исполнителей и даже участников принятия решений Политбюро, культивировавшаяся стилем его протоколов, состояла в старательной ограниченности — добровольном отказе от видения общих задач, издании и буквальном исполнении частных директив³⁹. Протоколы Политбюро свидетельствуют, что в его недрах уже в конце 1920-х гг. (когда Генеральному секретарю еще приходилось выступать с длинными полемическими речами) рождалось понимание таинственной краткости как средства повышения авторитета власти. Описывая присущую "архетипу высокой престижности" сдержанность во всех проявлениях жизненной энергии, исследователи отмечают: "Обычно говорят, что царь с трудом двигался, так как на нем была тяжелая одежда, однако можно сказать и наоборот: царь надевал тяжелую одежду для того, чтобы не иметь возможности быстро двигаться"⁴⁰. С наименьшим основанием можно утверждать, что неясность резолюций Политбюро была вызвана не столько узко-функциональной необходимостью заключить их в броню краткости (в нее облачали и самые тривиальные решения), не только обремененностью множеством дел (в приложениях в протоколах ПБ нередко включались проекты постановлений и дипломатических нот, которые на следующий день должны были распространяться миллионными тиражами), но и стремлением придать всей процедуре decision-making величавость, достойную древнего Кремля, окружить ассигнование 30 тысяч рублей ореолом эзотерической недосказанности, и, в конечном счете, утвердить социальную дистанцию между источником верховной власти и иерархически соподчиненными сферами исполнителей ее воли.

Широкое понимание функций официальных записей Политбюро как социально-культурного феномена позволяет лучше понять их некоторые делопроизводственные особенности, в частности, *параллельное составление «обычных» и «особых» протоколов, направление выписок из «особых протоколов», отсутствие стенограмм заседания Политбюро.*

Начиная с 1923 г., в преддверии развязки национально-революционного кризиса в Германии, Политбюро ЦК РКП(б) перешло к новой системе фиксации своих решений⁴¹. Наиболее масштабные

³⁷ В «горизонтальном измерении» скудость аутентичной информации при ощущении своей сопричастности деятельности высшей инстанции провоцировала конструирование и распространение собственных версий, слухов (см. ниже).

³⁸ А.Сперанский. О Сталине: Впечатления от встреч // Известия. 7.11.1936.

³⁹ О взаимосвязи конкретности мышления со склонностью к магии формул и устойчивых словосочетаний см., в частности: Л.С.Васильев. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Л.А.Делюсин (отв. ред.) Китай: традиции и современность: Сб. статей. М., 1976. С.58. В непосредственной, устной форме урок такого поведения был преподан послу в Швеции А.М.Коллонтай. После аудиенции у Сталина, рассказавшего ей, как Политбюро разрешило конфликтный вопрос о шведском займе, Коллонтай поведала дневнику: "...В нашей работе не надо быть инициативной. Надо "проводить задания", а не создавать и находить прицелы" (А.М.Коллонтай. Записки за 23 года дипломатической работы. Тетрадь десятая. 1933 г. — РГА СПИ. Ф.134. Оп.3. Д.19. Л.67).

⁴⁰ А.К.Байбурун, А.Л.Топорков. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990.С.66.

⁴¹ Остается неизвестным, было ли это разделение первоначально произведено только при подготовке беловых протоколов (копий) или же охватывало и оригиналы. К сожалению, Н.Н.Покровский, с большой глубиной

секретные постановления стали исключаться из корпуса «строго секретных» протоколов и заноситься в протоколы Политбюро с грифом «особая папка» («совершенно секретно») с оставлением в исходном протоколе пометы «Решение – особая папка». Несмотря на различный уровень секретности, между «особыми» и «обычными» протоколами существовало полное совпадение в формулировках вопроса и указании лиц или учреждений, представившего его на усмотрение Политбюро⁴². Обозначенные в "совершенно секретных" протоколах одним или двумя инициалами докладчики и лица, деятельность которых стала предметом решения Политбюро не расшифровывались и в "особых" протоколах⁴³. Как правило, все содержание принятого решения относилось к одному из двух видов протоколов и оно заносилось в него целиком⁴⁴. Постепенно практика придания части постановлений более высокой степени секретности привела к образованию двух параллельных систем записи постановлений, при которой решения, принятые на заседании Политбюро и в промежутках между заседаниями распределялись между «обычными» и «особыми» протоколами, так что к началу 30-х гг. количество «особых протоколов» фактически совпало с числом заседаний Политбюро и необходимость в дополнительной нумерации отпала.

Число документов, относимых к наиболее конфиденциальным, быстро росло; «особая папка» пополнялась в значительной мере за счет перенесения в нее большинства внешнеполитических дел. Если не считать вопросов о назначениях представителей СССР за рубежом (полпредов, торгпредов, военных атташе, руководителей и членов делегаций на международных конференциях и т.д.⁴⁵), то в «особую папку» направлялись все иные постановления Политбюро по проблемам взаимоотношений СССР с внешним миром, независимо от того, насколько важным или секретным было существо конкретного решения. Часть внешнеполитических постановлений, однако, продолжала фиксироваться в «обычных» протоколах, копии которых подлежали более широкому распространению, нежели «особые папки». Выявить определенные правила, которыми руководствовалось Политбюро (или Секретарь ЦК ВКП(б), руководивший процессом подготовки и принятия решений, подписывавший протокол) при распределении своих постановлений между двумя видами протоколов, оказалось невозможным. Можно констатировать лишь, что все решения по экспортно-импортным операциям, осуществлявшимся сверх ранее утвержденного валютного плана, — будь то, например, закупка свиней на 30 тыс. рублей или приобретение картин за 2 тыс. рублей⁴⁶ — никогда не заносились в рассылочные «обычные» протоколы. Этот подход отчасти объяснялся тем, что финансовые аспекты самих валютных и экспортно-импортных планов относились к категории повышенной секретности, источником дополнительных ассигнований являлся, как правило, «торгово-политический контингент» — резервный фонд валюты, о существовании и тем более размерах которого знал крайне узкий лиц, отчасти — в стремлении избежать ревнивых претензий со стороны ведомств, которым в дополнительных тратах отказывалось⁴⁷. Среди постановлений

проанализировавший эту группу источников, в своем очерке не затрагивает вопроса о разделении протоколов ПБ на «обычные» и «особые». Доступные материалы черновых протоколов (РГА СПИ. Ф.17. Оп.163) крайне неполны, и отсутствие в них, в числе прочих лакун, сопроводительных документов и постановлений «особой папки» может быть вызвано позднейшей обработкой дел в архиве ЦК КПСС.

⁴² Единственный выявленный нами случай расхождения следует, вероятно, отнести за счет технической ошибки. В протоколе № 71 от 4 апреля 1929 г. (особый № 69) значилось, что "вопрос Комиссии Внешних Сношений" о помощи польским швейникам (п.47) был внесен "т. Фигатнером, Васильевым", в другой (рассылочной) версии протокола № 71 был указан только Фигатнер (РХИДНИ. Ф.17. Оп.162. Д.7.Л.59; Там же. Оп.3.Д.733.Л.9).

⁴³ Иногда это вызывалось нежеланием компрометировать членов руководства СССР или ИККИ. Так, рассмотрение обвинений Б.Мархлевской против А.Варского (1927) в протоколах ПБ обоих видов значилось как вопрос "О тов. В.", а берлинской аферы Савелия Литвинова (двоюродного брата наркома) как "Дело С.Л." (1929-1930). Впрочем, о Савелии Литвинове открыто говорила советская печать (см.: С.Гальперин // По всему свету: Очерки международной политики // Новый мир. 1930. № 3. С.161).

⁴⁴ Единственное известное нам исключение касается решения о назначении Л.М.Карахана послом в Турцию летом 1934 г. Постановления по назначению полпредов фиксировались исключительно в «обычных» ("совершенно секретных") протоколах ПБ. Дело Карахана, на протяжении полутора десятилетий являвшегося одним из влиятельных руководителей НКВД, было необычным; руководство Политбюро сочло, что его устранению из Москвы следует придать временный характер. В результате принятое опросом постановление было разделено на две части: первый его пункт ("Назначить полпредом") вошел в обычный протокол, а второй ("Предложить т. Кагановичу сообщить т. Карахану, что он отправляется в Турцию на один год") был отнесен к категории "особая папка" (Протокол № 9 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 26.6.1934, п.135/128 (опросом от 23.6.1934). — РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 162. Д.16. Л.105).

⁴⁵ Подробнее об этом см. введение к разделу 4.

⁴⁶ См. решение «О польской выставке живописи» от 29.9.1933 (часть 1).

⁴⁷ Необходимость просить у «инстанции» даже скромные (сотни рублей) суммы нередко вызывала тяжелые раздумья. Например, отказывая авторитетному (и тяжело больному) полпреду СССР во Франции

по международным делам, включенных в обычные протоколы, удельный вес решений о снятии с повестки дня или откладывании поставленного вопроса был выше, чем других (о принятии предложений ведомств, внесении в них изменений и т.д.).⁴⁸ Четкой содержательной или тематической границы при распределении внешнеполитических решений между двумя видами протоколов не существовало. Так, в сентябре 1933—январе 1934 гг. Политбюро четырежды рассматривало вопросы об организации воздушного сообщения между Польшей и СССР. Два из них, имевшие принципиальное политическое значение – о принятии предложений НКВД на этот счет (сентябрь 1933 г.) и об отказе от продолжения переговоров с Польшей (январь 1934 г.) вошли в «обычные» протоколы ПБ. Два других постановления, касавшиеся хода авиационных переговоров (ноябрь 1933 г.) были отнесены к категории «особая папка»⁴⁹. 26 и 27 июля 1934 г. Политбюро утвердило решения под одинаковым названием («О посылке хлеба пострадавшим от наводнения в Польше»), причем одно из них как «строго секретное» вошло в «обычный» протокол, а другое – в «особый»⁵⁰. Вряд ли можно объяснить деловыми мотивами (в том числе, соображениями конфиденциальности) тот факт, что два решения 1933 г. о советско-польских торговых соглашениях оказались доступны всем получателям протоколов Политбюро, а постановление вступить в переговоры с Польшей о координации продаж двойных шпал из лиственницы было заключено в «особую папку»⁵¹.

Не исключая элементов делопроизводственного произвола, приходится признать, что параллельное ведение двух видов протоколов ПБ имело некие дополнительные функции, а распределение между ними вопросов внешнеполитической проблематики вызывалось мотивами, лежащими в иной сфере. Вероятно, эта практика отражала и конструировала определенный тип взаимоотношений Политбюро с адресатами его протоколов. Для представителей правящего слоя, получавших «обычные» протоколы, поддерживалась иллюзия их «причастности» к международной деятельности Политбюро. Значение имело не существо тех или иных частных решений, которые сохранялись в этих протоколах, а сам факт наличия в них записей о проводимых внешнеполитических акциях – перечней вопросов повестки дня и немногих содержательных постановлений. Вместе с тем перенесение в «особые папки» подавляющего большинства внешнеполитических резолюций подтверждало исключительность положения группы избранных, знакомившихся с их содержанием. Иерархичность протоколов Политбюро воспроизводила и акцентировала статусные различия внутри узкого правящего слоя⁵².

в хлопотах о «небольшом пособии на лечении», Крестинский признавался, что «боится» обращаться в ЦК ввиду царящего там «погромно-валютного настроения» (Письмо Н.Н.Крестинского В.С.Довгалеvскому, 7.12.1930.— АВП РФ. Ф.010. Оп.1. П.5з. Д.82. Л.24).

⁴⁸ См. например: Протокол № 126 от 15.5.1930 (п. 43. О Польше) – РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 785. Л. 9; Протокол № 30 от 25.3.1931 (п. 46/59. О договоре с Эстонией) – Там же. Д. 817. Л. 1; Протокол № 35 от 24.5.1931. (п. 7/12. – О переговорах с финнами; п. 16/21. – О Чехо-Словакии) – Там же. Д. 822. Л. 8, 9 и др.

⁴⁹ См. решения «О воздушных линиях Варшава-Москва и Париж-Москва» от 29.9.1933; «О переговорах с поляками об авиалинии» от 1.11.1933; «О воздушной линии Краков-Харьков» от 15.11.1933; «О воздушной линии Москва-Варшава» от 19.1.1934 (часть 1).

⁵⁰ См. решения «О посылке хлеба пострадавшим от наводнения в Польшу» (Протокол № 11(особый №) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.8.1934, п.112/93 (опросом). – РГА СПИ. Ф.17. Оп.162. Д.16. Л.143 (опубликовано: И.И.Костюшко (ред.). Указ. соч. С.78.); Протокол № 11 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.8.1934, п.120/101 (опросом). – Там же. Оп.3. Д.949. Л.23).

⁵¹ См. решения «...О торговом договоре с Польшей» от 31.7.1933, «О соглашении с польским правительством о продаже лесных материалов» от 1.10.1933 (часть 1).

⁵² В этом отношении различие в статусе протоколов Политбюро оказывалось частью более общей «иерархии знания», объединявшей и вместе с тем структурировавшей партийную номенклатуру. Читатели протоколов Политбюро занимали в ней верхние ступени, за ними следовали «товарищи, получавшие протоколы заседаний ЦК», знакомить с которыми «кого бы то ни было» без «специальной оговорки ЦК» было нельзя. Обитатели более низкого уровня – недопущенные к ознакомлению с буквой «протоколов ЦК» партийные чиновники могли пользоваться «устными или письменными ссылками на протоколы заседаний ЦК», что в советском делопроизводстве «категорически воспрещалось» («Правила хранения, ознакомления и возвращения протоколов заседаний ЦК ВКП(б), установленные Секретариатом ЦК 10 июня 1927 г. действовали, по крайней мере, до середины 30-х гг. и воспроизводились на обложках протоколов Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б)). Невнимание к этой иерархии, проявления неуважения к ней наказывались низвержением «нарушителя» в мрак незнания. Уезжая домой 1-ый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана Ф.Икрамов забыл в гостиничном номере копию протокола Политбюро. За «недопустимо небрежное отношение со стороны т. Икрамова к документам ЦК» «инстанция» лишила его «права получения протоколов ЦК в течение 3-х месяцев» (Постановление Политбюро об оставлении Икрамовым протокола Политбюро ЦК в гостинице «Националь», 1.2.1933 // О.В.Хлевнюк и др. (сост.) Указ. соч. С.78). Тем самым руководители Политбюро фактически признали, что получение его протоколов есть сословная привилегия, а не деловая необходимость.

О решении Политбюро, включенном в «обычный протокол», его исполнитель должен был узнать из посылаемой ему выписки, но также и из рассылаемого общего текста. При этом должностное лицо (или лица), ответственное за осуществление решения Политбюро, в протокольной записи не указывались; неясно, поэтому, кем и как определялся адресат направляемой выписки (вероятно, Секретный отдел направлял ее либо руководителю соответствующего органа, либо докладчику или автору записки в Политбюро). Фиксация постановления в «особом» протоколе влекла за собой персонализацию ответственности исполнителя перед Политбюро: большинство резолютивных записей сопровождалось указанием «Выписка послана т...». В тех случаях, когда постановление содержало несколько пунктов, относившихся к сфере деятельности различных партийных и государственных органов, представителю каждого из них направлялась выписка из соответствующей части постановления. Как правило, выписки по международным делам адресовались наркомам, их заместителям, членам Коллегии. Выписка могла отправляться как в московское учреждение, так и, в виде шифровки, в республиканские партийные органы (например, в Минск или Киев). В тех случаях, когда прямым исполнителем директивы Политбюро оказывалось должностное лицо, находившееся за рубежом (будь то полпред или находящийся в служебной поездке нарком), выписка была адресована одному из находившихся в Москве руководителей наркомата. Пересечь границу Союза ССР могла зашифрованная телеграмма НКВД в зарубежное полпредство (текст которой мог быть утвержден на заседании Политбюро), но ни в коем случае ни «выписка», сколь бы внешне бессодержательной она ни была. Отмеченная выше краткость большинства постановлений Политбюро означала, что выписка из протокола лишь условно выполняла функцию передачи исполнителю информации о существовании директивы, особенно, если он лично присутствовал на заседании Политбюро. Так, выписка, направленная Литвинову (с соблюдением, надо полагать, все мер предосторожности) по итогам «решения Политбюро» «О Чехо-Словакии» гласила: «Вопрос снят»⁵³. Если Литвинов, представивший свои соображения на этот счет, присутствовал при принятии решения, выписка не несла для него полезной информационной нагрузки, если же дело разбиралось в его отсутствие, она ничего не сообщала о политических мотивах решения, об отношении Политбюро к существу поставленных в инициативной записке проблем.

Создается впечатление, что система рассылки выписок являлась в значительной мере символической процедурой. Направлением выписки Политбюро утверждало прямую – поверх институциональных барьеров – связь между своей волей и обязанностью избранного им в исполнители лица. По следам решения о начале торговых переговоров с Латвией (август 1932 г.), Б.С.Стомонякову назначенному Политбюро руководителем советской делегации была направлена выписка, включавшая только пункт о его назначении. Другая часть постановления («довести до сведения Латпра, что мы готовы приступить к переговорам в Москве в середине сентября») была сообщена только М.М.Литвинову⁵⁴. Разумеется, Стомоняков был осведомлен о сроке начала переговоров, а Литвинов – о том, что его заместитель назначен главой советской делегации. Тем не менее Политбюро сочло нужным демонстративно вмешаться в распределение ролей между наркомом и его заместителем при осуществлении своего решения. Информационная незначительность выписки для того, кто уже получил устное распоряжение Политбюро, восполнялась другими ее функциями: напоминанием о фиксации буквальных обязанностей получателя перед «инстанцией»; подтверждением положения адресата на нетвердых ступеньках иерархической лестницы, и наконец, установлением взаимосвязи между полученным указанием и статусом получателя в политико-бюрократической системе. В феномене «выписок» дополнительно раскрывалась символическая насыщенность «постановлений Политбюро»; прозаическая «выписка» функционировала как *жест власти*, неоспоримый по определению⁵⁵.

В контексте высказанных соображений о конспиративности и функциональности протоколов ПБ ЦК ВКП(б) и их символической природе представляется симптоматичным неуспех попыток обнаружить стенограммы заседаний Политбюро конца 20—начала 30-х гг.⁵⁶ Регламент работы Политбюро предусматривал стенографирование докладов и заключительных слов, а в некоторых случаях – и выступлений в прениях. Известно, что в начале 1920-х гг. при обсуждении важнейших внешнеполитических дел на заседаниях Политбюро велись если не стенографические, то подробные секретарские записи, в которых излагались мнения его членов⁵⁷. Однако единственное в конце 20-х гг. упоминание в протоколах Политбюро о его стенограммах

⁵³ См. решение «О Чехо-Словакии» от 10.5.1931.

⁵⁴ Протокол № 112 (Особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 16.8.1932. – Там же. Оп. 162. Д. 13. Л. 60.

⁵⁵ «Если на уровне знаков мы сталкиваемся с явлением «правильности» (или «ложности»), то на уровне символов господствует истина» (А.М.Сергеев. Некоммуникативность понимания и феномен символического в культуре / Коммуникация в культуре. 1996. С.26).

⁵⁶ Исключение составляют стенографические записи нескольких заседаний Политбюро, задуманных как часть политико-пропагандистских кампаний (см. О.В.Хлевнюк. Указ. соч. С.13).

⁵⁷ См. составленный Б.Бажановым «Конспект прений по вопросу «О международном положении» (21.8.1923) («Назначить революцию в Германии на 9 ноября // Источник. 1995. № 5. С. 120-127).

носит негативный отпечаток: "Воспретить всем, получающим оригиналы стенограмм заседаний Политбюро и пленумов ЦК для исправления, снятие с них для себя каких бы то ни было копий"⁵⁸. Вероятно, после подавления «правого уклона»⁵⁹ запись дебатов в Политбюро прекратилась. На заседаниях Оргбюро (по крайней мере, до 1931 г.) такие записи изредка велись, с указанием в протоколе, что «вопрос стенографировался»⁶⁰. Подобные отметки делались и в протоколах Политбюро середины 20-х гг. Нельзя исключать, что такого рода пометы и даже сами стенограммы могут быть обнаружены в пока недоступных коллекциях материалов Политбюро. Однако механизмы фиксации решений, отраженные в протоколах Политбюро конца 1920-30-х гг. делают крайне маловероятным существование массива официальных стенограмм или секретарских записей («конспектов») его заседаний этого периода, в особенности, посвященных обсуждению проблем внешней политики. Более перспективным для реконструкции дискуссий в Политбюро представляется поиск личных записей, сделанных в ходе заседания⁶¹ или непосредственно после него⁶², а также анализ сопроводительных материалов, изучение исправлений, внесенных в проекты решений и других помет в черновых протоколах Политбюро⁶³.

⁵⁸ Протокол ПБ ЦК ВКП(б) № 123 от 8.9.1927, п.35 (опросом). – РГА СПИ. Ф.17. Оп.3.Д.650.Л.9.

⁵⁹ См. «Краткую запись» «из выступлений на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) в конце января и в начале февраля 1929 г.» (И.В.Сталин. Группа Бухарина и правый уклон в нашей партии // Он же. Соч. Т.11. М., 1952. С.318-325).

⁶⁰ Протокол Оргбюро ЦК ВКП(б) № 27 от 6.12.1930, п.1. – Там же. Оп.114. Д.202. Л.1.

⁶¹ Так, в фонде Секретариата заместителя наркома по иностранным делам Л.М.Карахана в подборке материалов печати были обнаружены отрывочные записи аргументов, приведенных Литвиновым и самим Караханом на заседании Политбюро 20 сентября 1931 г. (См. комментарий к решению «О Польше» от 20.09.1931 г. (часть 1)).

⁶² См. описание в дневнике Коллонтай заседания ПБ ЦК ВКП(б) 20 февраля 1934 г., на котором с участием наркомов иностранных дел и внешней торговли, полпреда и торгпреда в Стокгольме обсуждалась целесообразность получения займа в Швеции (А.М.Коллонтай. Записки за 23 года дипломатической работы. Тетрадь одиннадцатая. 1934 г. — РГА СПИ. Ф.134. Оп.3. Д.21. Л.17-19). Дневник А.М.Коллонтай неоднократно подвергался литературной переработке, однако содержит непосредственные наблюдения и свидетельства.

⁶³ См. проведенный Н.Н.Покровским анализ «следов внутренней борьбы при постепенной выработке решения Политбюро» (Н.Н.Покровский. Указ соч. С.26-28).

II

Рассмотрение особенностей протоколов Политбюро с точки зрения их социально-знаковой природы позволяет обратиться к процедурам и реальным обстоятельствам, предшествовавшим фиксированию его решений, — внесению вопросов в Политбюро, формированию его повестки, способам принятия решений, распределению ролей между членами руководства, участвовавшими в этом процессе.

Внесение предложений в Политбюро. Инициатива рассмотрения Политбюро международных дел в большинстве случаев исходила от центральных советских ведомств. В некоторых случаях с предложениями, носящими международно-политический смысл выступали нижестоящие партийные инстанции. На протяжении 20-х гг. процедуры внесения в Политбюро таких запросов и предложений вполне определилась и в 1929-31 гг. подвергалась лишь частичному пересмотру. По мере увеличения объема и разнообразия дел, подлежавших представлению в Политбюро (что отчасти объяснялось стремлением партийно-государственной бюрократии сложить с себя часть ответственности) необходимость соблюдения ригористических процедур подачи предложений в Политбюро усиливалась. Для получения санкции Политбюро заинтересованное ведомство должно было представлять по вносимому вопросу “письменный материал”, включавший объяснительную записку и проект постановления Политбюро. В конце 1929 г. разрешенный объем такой записки был увеличен до 5-10 страниц. Материал должен был поступить к полудню 9, 19 и 29 числа каждого месяца (т.е. за шесть дней до дня заседания)⁶⁴. В ноябре 1931 г. Политбюро распорядилось уменьшить размер представляемых материалов до 4-5 страниц⁶⁵; через десять дней это решение было пересмотрено и их объем увеличен до 8 страниц.⁶⁶ В 1929-1930 гг. утвердилось правило “не ставить в повестку ПБ” вопросы, по которым получены устные обращения или даже письменные просьбы без приложения “материала по существу вопроса”. Политбюро отступало от него “в особо исключительных срочных случаях”⁶⁷.

Образцом следования этой процедуре можно считать документ, представленный в Политбюро заведующим Агитационно-пропагандистским Отделом ЦК ВКП(б) А.В.Криницким, т.е. исходивший из аппарата ЦК ВКП(б). Записка, размноженная литографическим способом (с нумерацией экземпляров), была адресована “в Политбюро ЦК” и снабжена грифом “с. секретно”. На трех страницах убористой машинописи излагалась предыстория вопроса и принятые ранее “решения ЦК” (т.е. Политбюро), новые обстоятельства, цели предлагаемой акции, доводы оппонентов вносимого предложения, пояснение о практических шагах, которые повлечет его принятия и, наконец, проект постановления Политбюро⁶⁸.

Изучение около ста записок такого рода (исходивших, по большей части, из НКВД, а также из НКВТ, НКВМ и НКЛеса) позволяет утверждать, что обычно руководители ведомств ориентировались на стереотипную структуру обращения в Политбюро, прослеживаемую в записке Криницкого. Вместе с тем, в резолютивной части документа учитывался стиль постановлений Политбюро, их тяготение к односложности; этим, надо полагать, в значительной мере объясняется частое отсутствие проектов решения в составе “письменных материалов”, особенно, когда оно “напрашивалось”⁶⁹. Применительно к вопросам, инициировавшим НКВД, порядок часто не соблюдался, в особенности, когда записки в Политбюро исходили от М.М.Литвинова. Так, в письме (на полутора страницах) секретарю ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичу 19 сентября 1933 г. он предложил Политбюро принять постановление по двум вопросам (лишь отчасти связанным между собой) – о целесообразности заключения пакта о ненападении между СССР и Грецией и об отношении СССР к многостороннему договору ненападения с участием Турции, Персии, Ирака и Великобритании (Саадабский пакт). Литвинов не только не предложил формального проекта решения, но и уклонился от изложения сути вопроса, сославшись на то, что она известна адресату “из шифровок”.⁷⁰ Двумя днями позже нарком по

⁶⁴ Постановление Политбюро о материалах к заседаниям ПБ, 5.10.1929 // О.В.Хлевнюк и др. (сост.) Указ. соч. С.23. Ранее действовало правило представления письменных материалов не позднее, чем за три дня до очередного заседания.

⁶⁵ Постановление Политбюро о порядке представления материалов к заседаниям Политбюро, 5.11.1931// Там же. С.24.

⁶⁶ Постановление Политбюро о порядке представления материалов к заседаниям Политбюро, 15.11.1931// Там же.

⁶⁷ Постановление Политбюро о материалах к заседаниям Политбюро, 5.10.1929; Постановление Политбюро о материалах к заседаниям Политбюро, 5.9.1930// Там же. С.23. Единственный выявленный случай рассмотрения на заседании Политбюро устного запроса НКВД отразился в постановлении “О Турции”: “Предложения т. Карахана принять, поручив ему представить их в письменной форме” (Протокол № 47 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 5.7.1931, п.25. – РГА СПИ. Ф.17. Оп.162. Д.10. Л.106).

⁶⁸ Записка А.В.Криницкого в Политбюро ЦК ВКП(б), 29.5.1929 (копия, экземпляр № 29). – АВП РФ. Ф.0122. Оп.13. П.145. Д.9. Л.91-89. Содержание документа см. в комментарии к решению “О съезде поляков проживающих за границей” от 30.5.1929 (часть 2).

⁶⁹ См., например, обращение и.о. наркома по иностранным делам с просьбой санкционировать обмен сведениями о вооружениях с Финляндией (Записка Н. Н. Крестинского Л. М. Кагановичу. 3.9.1931. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. Папка 79. Д. 100. Л.15).

⁷⁰ Записка М. М. Литвинова Л. М. Кагановичу, 19.9.1933. – РГА СПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 254. Л. 149-150.

иностранным делам направил Кагановичу записку “О воздушной линии Варшава-Москва”, которая, несмотря на отсутствие проекта постановления, в целом соответствовала стандартной форме вносимых в Политбюро материалов. По всей вероятности, структурные и стилистические различия записок-предложений в Политбюро объяснялись не столько авторством, сколько кругом их адресатов. Если первый из названных документов был посвящен политико-дипломатическим вопросам, находившимся в исключительной компетенции НКВД, и потому мог быть санкционирован руководством Политбюро (например, путем проведения опроса членов Политбюро) без заслушивания иных мнений, то второй материал имел межведомственное значение и его рассылка была произведена в тринадцати экземплярах – всем членам Политбюро, Тухачевскому и Алкснису (НКВД), Ягоде (ОГПУ).⁷¹

Как явствует из приведенных примеров, адресация и рассылка инициативных документов, требовавших решения Политбюро, в рассматриваемый период варьировались в широких пределах. Если записка Криницкого 1929 г. была адресована “в Политбюро” и первоначально изготовлена в небольшом количестве экземпляров, а затем с нее было отпечатано не менее 29 копий, то подавляющая часть известных нам аналогичных документов НКВД (1931-1934 гг.) была составлена на имя Генерального секретаря ЦК ВКП(б) либо (во время его продолжительных летних отпусков) Секретаря ЦК Л.М.Кагановича, иногда с дополнительным персонализированным указанием “копия тов. Молотову”, “копия тов. Кагановичу”. Более полная информация о получателях обращения указывалась в столбце рассылки. Если поднимаемый вопрос требовал межведомственного согласования (или ставился после его достижения), записка направлялась также руководителю соответствующего государственного органа⁷². В некоторых случаях записки также адресовались в копии Е.М.Ярославскому, являвшемуся представителем Президиума ЦКК на заседаниях Политбюро, однако установить, стало ли это обычной процедурой не удалось. Два экземпляра записки в Политбюро почти во всех случаях направлялись Сталину, вероятно, для личного пользования и для приобщения к тематическим делам архива ПБ (в случае отсутствия Сталина, в качестве получателя иногда указывался А.Н.Поскребышев). Возможно, что в большинстве случаев не формальная адресация и даже не общее количество копий, а указание в перечне рассылки числа копий, предназначенных для сталинской канцелярии, является показателем того, предполагал ли отправитель, что записка станет предметом официального решения Политбюро (а не является лишь информационным сообщением либо запросом к Генеральному секретарю о его личной санкции по тому или иному делу)⁷³. Кроме того, записки в Политбюро по вопросам, имевшим широкое международно-дипломатическое значение, или же направляемые по официальному заключению Коллегии НКВД, сообщались в копиях ее членам (с указанием об этом в заголовке или, чаще, в рассылке). Например, документ 1931 г. об обмене списками о состоянии вооруженных сил, адресованный Сталину (находившемуся, в Сочи) и в копии членам Политбюро, был изготовлен в НКВД в девятнадцати экземплярах, из которых два были посланы Сталину, двенадцать — другим членам и кандидатам в члены ПБ, а остальные пять переданы в Секретариаты членов Коллегии и общее делопроизводство наркомата по иностранным делам⁷⁴.

Эти наблюдения являются лишь попыткой наметить некоторые характерные черты структуры, оформления и рассылки инициативных записок по внешнеполитическим делам. Трудность заключается не только в сравнительной узости использованной источниковой базы, но и в чрезвычайном разнообразии такой документации, даже исходящей из одного ведомства. В рамки сделанных замечаний не укладывается,

⁷¹ Записка М. М. Литвинова Л. М. Кагановичу, 21.9.1933. – РГВА. Ф. 37977. Оп.3.Д.658. Л.72-73.

⁷² Так, один из экземпляров записки Н.Н.Крестинского И.В.Сталину относительно ликвидации задолженности наркомата путей сообщения польским железным дорогам (от 9.5.1932) был направлен А.А.Андрееву, причем именно как руководителю НКПС, а не члену ПБ (которым Андреев являлся с февраля 1932 г.) (АВП РФ. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.64. Л.105-104).

⁷³ См., например: Записка Б.С.Стомонякова И.В.Сталину (копия В.Р.Менжинскому), 14.5.1932, “В.Срочно”. — Там же. Ф.09. Оп.7.П.35.Д.5. Л.41. Документ был изготовлен в трех экземплярах и был посвящен новым предложениям польской миссии относительно персонального обмена политзаключенных, решение по которому Политбюро приняло спустя два с половиной месяца.

Другим примером являются записки Крестинского Сталину от 21, 22, 23 июля 1931 г. о различных аспектах “дела Богowego” (Там же. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.63. Л.185-187, 175-179). Хотя оно вскоре стало предметом обсуждения на двух заседаниях Политбюро (см. решения “О Польше” от 25.7.1931 и “О т.Боговом” от 5.8.1931 (часть 1)), заместитель наркома не намеревался информировать об этом других членов Политбюро и направлял Сталину один экземпляр (письмо от 22 июля дополнительно помечено “лично”, хотя копия его была передана Литвинову). Парадоксально, что, по всей вероятности, именно предложения, содержащиеся в этом “личном” письме, стали тремя днями позже официальной основой решения Политбюро “принять предложение НКВД”. С другой стороны, записка Литвинова Сталину (от 2.1.1932) о необходимости выработки директив для переговоров с Румынией была направлена ему в двух экземплярах (один был направлен Стомонякову) (Там же. Ф.09. Оп.7.П.35.Д.5. Л.1). Возможно, это объяснялось тем, что в записке предлагалось срочно созвать заседание комиссии Политбюро (в которую вошли Сталин, Молотов, Литвинов и Стомоняков), и одна копия документа НКВД предназначалась для соответствующего делопроизводства.

⁷⁴ Записка М.М.Литвинова И.В.Сталину (копии — членам ПБ), 1.8.1931 (экземпляр Н.Н.Крестинского). — Там же. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.63. Л.759-760.

например, подробная записка, включающая раздел "НКВД просит ПБ" (т.е. проект постановления), направленная Крестинским Секретарю ЦК Кагановичу для получения санкции на обмен политзаключенными с Польшей⁷⁵. В документе упоминаются переговоры НКВД с ОГПУ и Представительством ЦК КПП в Москве, однако ни Менжинскому, ни представителю ИККИ в ПБ ЦК ВКП(б) Мануильскому, ни, наконец, самим членам Политбюро копии направлены не были. Их получили лишь сам Каганович (два экземпляра), члены Коллегии НКВД Карахан и Стомоняков; официально информировать наркома (находившегося в Женеве) и Генерального секретаря (пребывавшего в Сочи) Крестинский, как будто, не намеревался. Не исключено, разумеется, что и.о. наркома действовал таким образом в расчете, что при необходимости Каганович сам распорядится о снятии копий для членов Политбюро и других причастных к этому делу лиц (такая необходимость, несомненно, возникла — вопрос окончательно решился на заседании Политбюро 1 августа 1932 г.⁷⁶). В августе 1931 г. тот же Крестинский адресовал свою записку "В Политбюро ЦК ВКП(б) тов. Кагановичу", направил ему два экземпляра, а третий передал "Литвинову-Карахану"⁷⁷; через четыре дня аналогичная записка была изготовлена Секретариатом Крестинского в шести экземплярах и вместо сведений о рассылке сообщала "копии чл. Коллегии", вопреки обыкновению документ имел гриф "секретно" (а не "сов. секретно")⁷⁸. Иногда авторы записок передавали "коммунистический" или "товарищеский" привет членам Политбюро, порой ограничивались подписью. Видимое отсутствие стандартизации рабочих процедур (адресации, оформления и рассылки письменных материалов в Политбюро) делает опрометчивым любое определенное суждение об их эволюции. Тем не менее общая тенденция несомненно состояла в постепенном сужении прямой коммуникации между органами, выступающими инициаторами решений по международным делам, и Политбюро как совокупностью его индивидуальных членов, в сосредоточении информации и запросов по внешнеполитическим вопросам в руках Сталина, Кагановича, Молотова и, в меньшей степени, Ворошилова.

Подобное явление в общих чертах обозначается и при обращении к другой группе обращений к "сессии" — письмам, инициативным запискам и докладам в Политбюро, поступавшим от полномочных представителей СССР за границей. Некоторые из них являлись в недавнем прошлом крупными партийными работниками, либо личными друзьями и приближенными членов Политбюро, что в сочетании с неясностью фактического статуса Литвинова в партийном руководстве и недавним оппозиционным прошлым его первого заместителя (Крестинского), создавало благоприятный фон для вынесения разногласий за пределы ведомства, хотя и в масштабах более скромных, нежели в начале 20-х гг. Считавший себя самостоятельным "пролетарским иностранным политиком" (и ведший интенсивную частную переписку с К.Е.Ворошиловым) полпред в Праге А.Я.Аросев неоднократно жаловался патрону на НКВД и всеми силами стремился попасть в поле зрения Политбюро. "Ведомство не хочет, чтобы полпред имел возможность непосредственно сноситься с П.Б. или его членами, — писал Аросев Сталину после аудиенции у него. — Ведомство хочет, чтобы на всех постах стояли его чиновники"⁷⁹. Отношение руководителей Политбюро к непосредственным рабочим контактам с полпредами было двусмысленным. Сталин, с одной стороны, "неоднократно упрекал" Литвинова за то, что он "не пользуется своим авторитетом Наркома в своих сношениях с Полпредами", с другой — в некоторых случаях поощрял прямые связи между "инстанцией" с тем или иным полпредом, демонстрируя внимание к его соображениям или даже "всцело решая спор в его пользу"⁸⁰. При возникновении разногласий с наркомом или Коллегией НКВД, полпреды (в исключительных случаях — и советники полпредств) заявляли настоятельные пожелания о передаче дела в "сессию" вместе с копиями относящихся к нему писем и телеграмм либо сами направляли туда копии исходящих документов. "Копию направляю в Сессию", — заключал, например, В.А.Антонов-Овсенко письмо в НКВД с доказательствами того, что "мы оказались несозревшими к сближению с Польшей"⁸¹. Нередко членам Политбюро адресовались специальные письма, записки и доклады полпредов.

⁷⁵ Записка Н.Н.Крестинского Л.М.Кагановичу, 15.7.1932. — Там же. П.63. Л.237-234.

⁷⁶ См. решение "О Польше" от 1.8.1931 (часть 1).

⁷⁷ Записка Н.Н.Крестинского Л.М.Кагановичу, 29.8.1931. — Там же. Л.661-665.

⁷⁸ Записка Н.Н.Крестинского Л.М.Кагановичу, 2.9.1931. — Там же. Л.656-659.

⁷⁹ Личное письмо А.Я.Аросева И.В.Сталину, 3.3.1934 (незаверенная копия). — РГА СПИ. Ф.74. Оп.2. Д.96. Л.118.

⁸⁰ Протокол № 152 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 января 1934, п.49/30 (Записка М.М.Литвинова И.В.Сталину, 22.12.1933). — Там же. Ф.17. Оп.163. Д.998. Л.101-102. Несмотря на высказанные в записке упреки и подробную деловую мотивацию, Сталин (и вслед за ним другие члены ПБ) отказались пересмотреть принятое по инициативе Трояновского постановление о назначении персонала в полпредство СССР в Вашингтоне. "Могу согласиться на отмену решения лишь в отношении Ромма", — гласила резолюция Сталина, под которой подписались также Каганович, Молотов, Ворошилов (согласие остальных было получено опросом) (Там же. Л.101).

⁸¹ Письмо В.А.Антонова-Овсенко Б.С.Стомонякову, 20.7.1933. — Там же. Ф.0122. Оп.17. П.164. Д.3. Л.147-143. Указание "копия в сессию" в адресации (или столбце рассылки) письма полпреда не всегда означало, что оно направлялось непосредственно в ЦК ВКП(б). На оформленном таким образом письме из Варшавы замнаркому, например, пришлось сделать помету: "Кагановичу, копии Сталину, Постышеву и Ежову" (Письмо В.А.Антонова-Овсенко Н.Н.Крестинскому и Б.С.Стомонякову (копия "в сессию"), 1.3.1932. — АВП РФ. Ф.

Обращения полпредов зачастую вызывались кадровыми вопросами или носили личный характер⁸², однако в большинстве выявленных случаев касались общих проблем взаимоотношений с отдельными странами или даже советской внешнеполитической стратегии. В декабре 1928 г., "узнав об образовании комиссии Политбюро по вопросу о военном сотрудничестве с немцами", полпред Крестинский направил Сталину, Ворошилову и Литвинову "подробное письмо, в котором изложил свой взгляд на это сотрудничество, высказываясь, в общем, за сохранение и дальнейшее его развитие". Полгода спустя, в письме Ворошилову он подверг критике "целый ряд посылок, из которых делаются те или иные заключения" и предложил свое видение общемировой ситуации (от англо-американских отношений до положения на Дальнем Востоке)⁸³. Его преемник Л.М.Хинчук летом 1933 г. направил Л.М.Кагановичу письмо (в единственном экземпляре) о положении в Германии и советско-германских отношениях, главным образом для того, чтобы предостеречь Политбюро: "... сближаясь с Францией, Польшей и другими государствами, не следует прежде времени сбрасывать маску и начинать безудержную антигерманскую кампанию"⁸⁴. Примером обращения к руководству Политбюро с инициативным проектом является предложение полпреда в Праге организовать "Институт советской культуры" в Европе⁸⁵. Наряду с письмами и инициативными записками в "инстанцию", известны факты представления полпредами специальных докладов по поступившему из Кремля запросу. Так, в летом 1931 г. полпред в Хельсинки И.М.Майский направил Генеральному секретарю подготовленный по его указанию обширный доклад о деле С.Эрзинкяна (торгпреда-растратчика и невовращенца, близкого А.И.Микояну)⁸⁶. Письмо доклад могло быть написано по следам беседы полпреда с руководящим деятелем ЦК. "Дорогой Николай Иванович! В разговоре со мной Вы под конец сказали, чтобы я изложенное мною устно коротко сформулировал на бумаге, для того, чтобы можно было потом проверить, что и как из отмеченного мною поддается практическому осуществлению," — начинал свой доклад Ежову полпред в Чехословакии С.С.Александровский⁸⁷. Призывы Александровского к активизации советской политики в Центральной Европе (1935-1936 гг.) встречали понимание руководителей НКВД, которые передавали в Политбюро его доклады и соображения, сопровождая их собственными комментариями⁸⁸.

Объем и характер освоенных источников недостаточны для суждения о том, в какой мере предложения и информация, поступавшие от советских представительств за рубежом, влияли на образ действий Политбюро. Однако лишь небольшая часть таких обращений послужила непосредственным поводом для принятия постановлений. В представленной выборке имеются четыре решения Политбюро, применительно к которым можно говорить об этом с большой долей уверенности. Политбюро согласилось с одним таким предложением (в формулировке НКВД)*, заслушало полпреда и торгпреда наряду с другими докладчиками**, "сняло вопрос", поднятый НКВД по настоянию полпреда***, подтвердило правильность директивы НКВД полпреду,

010. Оп.4. П.21. Д.64. Л.10.). Вместе с тем неясно, что в каждом конкретном случае означало выражение "Сессия" – Секретариат, Оргбюро или Политбюро ЦК ВКП(б). Известен, по крайней мере, один случай, когда экземпляр политписьма был направлен заведующему Бюро международной информации ЦК ВКП(б), явно в расчете на то, что через К.Радека оно быстрее достигнет Генерального секретаря, чем через заведующего Секретным отделом ЦК ВКП(б) А.Н.Поскребышева (Письмо В.А.Антонова-Овсенко Б.С.Стомонякову, 28.7.1933. — Там же. Ф.0122. Оп.17. П.164. Д.3. Л.152-148).

⁸² В этом случае полпреды и советники чаще адресовались к Секретарям ЦК ВКП(б), руководившим работой Оргбюро и Секретариата ЦК (Постышеву, Кагановичу, позднее Ежову). См., например: Письмо И.М.Майского Л.М.Кагановичу, 24.11.1930. — АВП РФ. Ф.010. Оп.1. П.4. Д.79. Л.69-70 (об оставлении на своем посту торгпреда Давыдова).

⁸³ Письмо Н.Н.Крестинского К.Е.Ворошилову (копии Я.К.Берзину, Б.С.Стомонякову), 21.7.1929. — РГА СПИ. Ф.74. Оп.2. Д.100. Л.163-167. Адресацию своего второго письма полпред объяснил следующим образом: "У меня есть потребность вновь высказаться по вопросу о сотрудничестве применительно к сегодняшней политической обстановке. Но так как вопрос не вышел еще из пределов военного ведомства и, может быть, будет решен без инстанции, то я не направляю моего письма т. Сталину, а пишу лишь Вам с посылкой копий в НКВД т.Стомонякову и т.Берзину, которому непосредственно подведомственны сношения между Красной Армией и Рейхсвером" (Там же. Л.163об.).

⁸⁴ Письмо Л.М.Хинчука Л.М.Кагановичу, 7.7.1933. — Там же. Ф.17. Оп.120. Д.107. Л.84-87.

⁸⁵ Записка А.Я.Аросева И.В.Сталину, В.М.Молотову, Л.М.Кагановичу, 14.8.1932. — Там же. Д.43. Л.5-6.

⁸⁶ Доклад И.М.Майского И.В.Сталину, 20.8.1931 ("лично"). — АВП РФ. Ф.05. Оп.11. П.79. Д.101. Л.1-24.

⁸⁷ Доклад С.С.Александровского Н.И.Ежову, 31.3.1936 (копия). — Там же. Ф.010. Оп.11. П.77. Д.118. Л.31. Содержание цитируемого документа подтверждает вывод о том, что "не входя формально даже в состав Политбюро, Ежов принимал активное участие в его работе" (О.В.Хлевнюк. Указ.соч. С.161).

⁸⁸ См.: Сопроводительная записка Н.Н.Крестинского И.В.Сталину (копии К.Е.Ворошилову, Л.М.Кагановичу, Г.К.Орджоникидзе, В.Я.Чубарю), 2.8.[1936]. — АВП РФ. Ф.010. Оп.11. П.77. Д.118. Л.58; Письмо Н.Н.Крестинского С.С.Александровскому, 26.9.1936 ("только лично"). — Там же. Л.74.

* См. решение "Предложение т.Антонова-Овсенко" от 12.8.1929 (часть 1).

** См. решение "О Литве" от 23.5.1929 (часть 1).

*** См. решение "О Чехо-Словакии" от 10.5.1931 (часть 1).

апеллировавшему “в сессию”****. Общий расклад, таким образом, оказывался не в пользу инициативы с мест. Судя по имеющимся материалам, в конце 20-х-первой половине 30-х гг. Политбюро было склонно считаться с настояниями лишь немногих, влиятельных полпредов (Антонова-Овсеенко, Довгалецкого, Сурица, Трояновского), предпочитая работать в тесном контакте с руководством наркомата по иностранным делам.

Формирование повестки Политбюро. Возможность внесения в Политбюро практически неограниченного количества представлений по крупным и частным вопросам, множественность органов и лиц, имевших право (или претендовавших на него) обращаться к высшему органу него придавали большую значимость формированию повестки Политбюро.

При рассмотрении запросов по международно-политическим делам руководство Политбюро учитывало невозможность соблюдения ригористических норм заблаговременного представления письменных материалов и нередко шло навстречу НКВД. В ходе советско-латвийских переговоров о пакте ненападения (Рига, январь 1932 г.) руководитель делегации Стомоняков запросил разрешение отступить от намеченной линии в пользу некоторых уступок латышам. Исполняющий обязанности наркома обратился к Сталину с запиской, указав на желательность “разрешить вопрос сегодня”⁸⁹. Предложение НКВД было включено в повестку дня состоявшегося в тот день заседания Политбюро (окончательного решения, впрочем, принято не было)***.

Судьба обращений, поступивших в Политбюро, но не подвергнутых его обсуждению могла быть различной. Так, в июле 1933 г. замнаркома Н. Н. Крестинский направил записку руководителям Политбюро, в которой сообщал о переговорах НКВД с чехословацкой миссией в Москве по поводу перезахоронения останков двух легионеров, погибших во время гражданской войны в России. НКВД потребовал и получил письменные гарантии, что эта акция не будет использована чехословацкой стороной в политических целях. Коллегия НКВД считала возможным удовлетворить просьбу о проведении эксгумации в Челябинске и отклонить дополнительное обращение аналогичного характера. В соответствии с процедурой, к записке Крестинского был приложен проект постановления Политбюро. Тремя днями позже “т. Поскребышев сообщил, что т.т. Сталин и Молотов за принятие предлож[ения] НКВД”. После звонка Поскребышева, Крестинский дал указания заведующему 2-м Западным отделом об исполнении принятого решения.⁹⁰ Таким образом, хотя запрос был оформлен в соответствии с требованиями, предъявляемыми к документам, поступавшим в Политбюро, принятие решения не потребовало ни проведения опроса его членов, ни записи в протоколе. Другой — диаметрально противоположный — вариант реагирования на постановку перед Политбюро вопросов по внешнеполитическим делам освещает документ наркома М. М. Литвинова от 13 мая 1934 г.⁹¹ Оно открывалось заявлением о том, что после продления советско-польского пакта ненападения НКВД считал целесообразным “рассмотреть и принять решения по всем конкретным вопросам политических, экономических и культурных отношений между СССР и Польшей, которые были поставлены за последний год польским правительством или по инициативе НКВД и по тем или иным причинам не получили еще конкретного разрешения”. Литвинов перечислял 11 конкретных вопросов. Один из них (о заключении торгового договора) был поставлен НКВД в письме Б. С. Стомонякова еще 26 июня 1933 г., после которого последовало еще несколько обращений в Политбюро по этому же вопросу (последним было письмо Литвинова от 16 марта 1934 г.). Просьба разрешить совместную разработку находящихся в советских архивах документов по истории Польши была сформулирована в записке наркома от 5 октября 1933 г. По двум иным, сравнительно мелким вопросам, Литвинов писал в Политбюро 7 апреля 1934 г.⁹² Как показывает сопоставление списка перечисленных Литвиновым вопросов с протоколами Политбюро и дипломатической переписки, из 11 вопросов в последующем в Политбюро был поставлен и разрешен только один (самый малозначительный)⁹³. В других случаях повторное внесение вопроса в Политбюро приводило к принятию им соответствующего постановления. (например, о соглашении с Мемельским лесным синдикатом)⁹⁴.

Таким образом, на стадии формирования перечня вопросов, подлежащих рассмотрению Политбюро, могли быть приняты следующие возможные решения: 1) оперативное удовлетворение запроса ведомства руководящими членами Политбюро без внесения в повестку дня, коллективного обсуждения и проведения голосования в Политбюро; 2) внесение предложения в повестку дня заседания (либо в список вопросов, подлежащих утверждению Политбюро иными путями); 3) откладывание дела на неопределенный срок с

**** См. решение “О Польше” от 25.1.1930 (часть 1).

⁸⁹ Записка Н.Н.Крестинского И.В.Сталину, 28.01.1932. — АВП РФ. Ф. 09. Оп. 7. П.55. Д.5. Л.2-4.

*** См. решение “О Латвии” от 28.1.1932 (часть 1)

⁹⁰ Записка Н. Н. Крестинского И. В. Сталину, 5.7.1933 (с пометами Крестинского). - Там же. Ф. 010. Оп. 8. Папка 33. Д. 99. Л. 2-4.

⁹¹ Записка М. М. Литвинова [И. В. Сталину], 13.5.1934. – Там же. Ф. 05. Оп. 14. Папка 99. Д. 61. Л. 69-72. Адресация записки Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) устанавливается из содержания и представляется несомненной, хотя имя адресата и сведения о рассылке из доступного экземпляра вырезаны.

⁹² Относительно других перечисленных в письме Литвинова сюжетов данные о сроках и форме обращения в Политбюро отсутствуют.

⁹³ См. решение “О мото-велопробеге польских спортсменов.” от 8.6.1934 (часть 1).

⁹⁴ См.: Письмо Б. С. Стомонякова М. А. Карскому, 27.6.1933. – АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 23. Папка 46. Д. 3. Л. 64.

последующим включением его в повестку Политбюро (под влиянием заинтересованных органов либо изменившихся обстоятельств); и 4) фактический отказ в рассмотрении поставленного вопроса и принятии по нему какого-либо решения. Кроме того, сроки рассмотрения внесенного предложения иногда оказывалась в зависимости от его порядкового номера в повестке дня заседания⁹⁵.

Полномочия на формирование повестки Политбюро предоставляли их обладателю исключительное влияние. При распределении обязанностей между Секретарями ЦК ВКП (б) после XIV съезда Политбюро возложило на Сталина, наряду с другими делами, "подготовку вопросов к заседанию Политбюро". Весной 1927 г. по настоянию Генерального секретаря Секретариат и Оргбюро распределили эти обязанности (как и общее наблюдение и контроль) по ведомственному признаку между несколькими Секретарями ЦК. Поэтому с мая 1927 г. по январь 1930 г. Сталин отвечал за наблюдение за работой и исполнением директив партии в НКВД, НКВМ, ОГПУ, НКФ и в банках, а также ИККИ, т.е. практически во всех органах (кроме наркомторга), связанных с определением внешней политики СССР. 26 января 1930, "в связи с реорганизацией аппарата ЦК", Оргбюро расширило полномочия Сталина по определению повестки, "оставив" за ним "подготовку вопросов к заседаниям ПБ и общее руководство работой Секретариата в целом"⁹⁶. Наконец, 4 июня 1934 г. постановлением Политбюро о "распределении работы и наблюдении секретарей ЦК за отделами ЦК ВКП(б)", к Сталину были приписаны "1) Культпроп, 2) Особый Сектор, 3) Политбюро ЦК" (Кагановичу (в числе других) — Оргбюро ЦК, а Жданову — Секретариат ЦК)⁹⁷. Наряду со Сталиным важную роль в этом процессе играл Молотов. В конце декабря 1930 г. в связи со сменой главы правительства и реорганизацией работы высших государственных органов СССР по инициативе Сталина было решено "поручить составление повестки заседаний Политбюро секретариату ЦК совместно с т.Молотовым"⁹⁸. Неясно, выражало ли это постановление лишь намерение установить тесную смычку в работе ПБ ЦК ВКП(б) и СНК СССР или являлось "утешительным призом" бывшему Секретарю ЦК, и как долго продолжал действовать установленный им порядок.

Эти официальные решения также обходят молчанием процедуру составления повестки Политбюро. Несомненно, что голос Сталина обладал особым весом, однако неясно приходилось ли его вообще подавать при утверждении повестки (как это практиковалось Секретарями ЦК перед заседаниями Оргбюро) или Генеральный секретарь был наделен правом единолично либо вместе с Председателем СНК СССР определять круг, сроки и способ рассмотрения дел, которые предстояло решить Политбюро. Постановление Политбюро от 29 мая 1932 г. гласило: "Составление повесток Политбюро приурочить к закрытым заседаниям Политбюро"⁹⁹. Это указание можно интерпретировать и как подтверждение того, что по повестке ПБ проводилось предварительное голосование его членов, так и свидетельство о консультативном характере обсуждения таких повесток. Другое решение 1932 г. содержит упоминание о том, что "проекты повесток заседаний Политбюро" представлялись Секретариатом ЦК¹⁰⁰. Из этих свидетельств трудно уяснить, рассматривались ли понятия "повестка ПБ" и "повестка заседаний ПБ" как идентичные, и если да, то в каком порядке определялся перечень вопросов, которые Политбюро решало между своими заседаниями. Наконец, некоторое влияние на определение судьбы поступивших в Политбюро запросов могли оказывать процедуры их обработки в Секретном отделе ЦК, который к тому же организовывал голосование опросом. По всей видимости, в конце 1920—первой половине 1930-х гг. повестки заседаний обычно формировались с учетом мнений Секретарей ЦК и членов ПБ, а перечень вопросов голосуемых заочно — Генеральным секретарем (или заменяющим его

⁹⁵ "Надеялся сегодня быть в состоянии сообщить Вам, что имеющийся у Вас проект директивы [о заключении таможенного соглашения с Германией] правительством утвержден, — писал замнаркома полпреду в Берлине 16 декабря 1930 г. — Однако оказалось, что вчера вся повестка исчерпана не была и целый ряд вопросов, в том числе и этот, отложен до следующего заседания. ...Вы не можете еще предложить начать официальные переговоры" (Письмо Н.Н.Крестинского Л.М.Хинчуку, 16.12.1930. — Там же. Ф.010. Оп.1. П.2. Д.38. Л.178). Существо controversy сводилось к тому, что в начале декабря Политбюро оказалось перегружено делами: вне очереди были проведены "экстренное" (о приговоре "вредителям группы Рамзина", 6 декабря) и короткое "обычное" (14 декабря) заседания. Большая часть повестки дня была перенесена на 15 декабря, но начать заседание было решено в 8 часов вечера (См. Хроника заседаний Политбюро // О.В.Хлевнюк и др. (сост.) Указ соч. С. 193-194). В результате Политбюро рассмотрело вопрос о таможенном соглашении на своем следующем заседании (25 декабря) и решило сдать его в комиссию, которая собралась лишь после Нового года.

⁹⁶ Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о распределении обязанностей между секретарями ЦК, 26.1.1930 [с примечаниями] // О.В.Хлевнюк и др. (сост.) Указ. соч. С.112-113.

⁹⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о распределении обязанностей между секретарями ЦК, 4.6.1934 // Там же. С.141.

⁹⁸ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о заседаниях Политбюро, 30.12.1930 // Там же. С.1180-181.

⁹⁹ Постановление Политбюро о повестках Политбюро, 29.5.1932 // Там же. С.24-25.

¹⁰⁰ Постановление Политбюро о повестках заседаний Политбюро, 1.9.1932 // Там же. С.25. См. также письмо И.В.Сталина Г.Л.Пятакова (13 июля 1926 г.), в котором упоминается получение «Секретариатом ЦК» предложений и просьбы «поставить вопрос на ближайшем заседании Политбюро». «Считая этот вопрос вполне назревшим, Секретариат решил поставить его на ближайшем после Пленума заседании ПБ» (А.В.Квашонкин и др. (сост.) Большевицкое руководство. Переписка. 1912-1927: Сб. документов. М., 1996. С.335).

Секретарем ЦК)¹⁰¹. В любом случае, с середины 1920-х Сталин неизменно располагал полномочиями "неполитического" характера, включая руководство Секретариатом и Секретным отделом ЦК, позволявшими контролировать внесение в повестку Политбюро подавляющего большинства вопросов международной политики Советского Союза и уже в силу этого влиять на их судьбу.

Способы принятия решений Политбюро. Акт принятия решения — важнейший этап многоступенчатой процедуры выработки директивы, "действие", "в результате которого разноречивых мнений и подходов нескольких человек преосуществляется в непререкаемую и непогрешимую волю партии"¹⁰² приобретал разнообразный облик, в зависимости от того, принималось ли оно в рамках повестки заседания, путем опроса членов Политбюро, или в форме "решения Политбюро".

Принятие постановлений на заседаниях Политбюро первоначально являлось преобладающей практикой. Наряду с обычными заседаниями, для рассмотрения отдельных особо важных вопросов (например, о контрольных цифрах на очередной хозяйственный год, состоянии железнодорожного транспорта) иногда проводились "специальные" заседания Политбюро, в декабре 1930 г. состоялось его "экстренное" заседание для принятия "предложений Комиссии ЦК" "о приговоре по делу вредителей группы Рамзина"¹⁰³. Однако по внешнеполитическим вопросам подобных "экстренных" или "специальных" заседаний начиная с 1927 г. не созывалось, что позволяет сосредоточиться исключительно на "обычных" заседаниях этого органа.

Во второй половине 1920-х гг. заседания Политбюро проводились один раз в неделю (по четвергам). В связи с введением в СССР непрерывной рабочей недели Политбюро 30 сентября 1929 г. постановило "установить с 1 октября периодичность заседаний органов ЦК в десять дней", вслед за этим днями заседаний Политбюро были назначены 5, 15 и 25 числа каждого месяца¹⁰⁴. Секретариат ЦК должен был заседать на следующий день после очередного заседания Политбюро, а Оргбюро — по 10-м, 20-м и 30-м числам. Несмотря на лихорадочную обстановку рубежа 1929-1930 гг. этот ритм строго поддерживался (так, за первую половину 1930 г. Политбюро "XV созыва" внесло лишь одно изменение в график проведения заседаний). Со второй половины мая до декабря 1931 г. регулярные заседания ПБ проводились вдвое чаще (как правило — 5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждого месяца). На протяжении этого полугодия было проведено 38 заседаний (включая внеочередные). 25 ноября 1931 г. Политбюро рассмотрело внесенное Куйбышевым и Кагановичем предложение о новом расписании заседаний Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), а также СНК СССР и Совета труда и обороны. Было решено, что начиная с 1 декабря 1931 г. Оргбюро и Совнарком проводят свои заседания два раза, СТО — три раза, а Политбюро и Секретариат ЦК — четыре раза в месяц. Устанавливалось, что заседания Политбюро проходят с 2 часов дня в 1, 8, 16 и 23 числа месяца¹⁰⁵. Таким образом, Политбюро вернулось к недельной периодичности заседаний, характерной для 20-х гг. Она фактически соблюдалась, как показывает составленная коллективом историков и архивистов "Хроника заседаний Политбюро", до начала 1933 г. Переносы и отмены заседаний специальными решениями Политбюро привели к тому, что в январе-феврале 1933 г. оно заседало всего три раза; в марте и апреле было проведено по три заседания, в мае — одно. В конце апреля Политбюро постановило проводить заседания три раза в месяц (5, 15 и 25 числа)¹⁰⁶, т.е. вернуться к графику конца 1929—начала 1931 г. Это решение осталось мертвой буквой. С июня 1933 г. ПБ стало проводить заседания, как правило, два раза в месяц, обычно отсчитывая две недели от даты последнего заседания (даже если оно проводилось с запозданием на несколько дней). Новый сезон летних отпусков принес перемены¹⁰⁷: отныне заседания созывались один, изредка — два раза в месяц (восемь заседаний за вторую половину 1934 г., 25 заседаний в 1935-1936 гг.). Протоколы весны-лета 1937 г. обозначают агонию заседаний Политбюро как нормального института принятия решений. В апреле состоялось два заседания, в июне, после двухмесячного перерыва, — еще два. За последующие три с половиной года (середина 1937 — конец 1940 г.) встречи членов Политбюро, зафиксированные в протоколах в качестве его "заседаний", состоялись всего девять раз, т.е. столько же, сколько за полтора месяца осени 1931 г. Эта динамика указывает на внутренние изменения в процедурах и содержании работы Политбюро на протяжении 30-х гг., и на рискованность экстраполирования имеющейся отрывочной информации и наблюдений за пределы узких

¹⁰¹ В пользу такого предположения говорит, например, адресация (в копиях) членам Политбюро просьбы члена Коллегии НКВД «ускорить решение по вопросу», поставленной в его записке в Политбюро десятью днями ранее, но не включенной в повестку дня (Записка Л.М.Карахана И.В.Сталину (копии — членам Политбюро, членам Коллегии НКВД, Я.Б.Гамарнику), 4.8.1931. — РГВА. Ф.09. Оп.29. Д.102. Л.20).

¹⁰² Н.Н.Покровский. Указ. соч. С.28.

¹⁰³ Протокол № 18 экстренного заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 6.12.1930. — РГА СПИ. Ф.17. Оп.3.Д.807.Л.1.

¹⁰⁴ Протокол № 101 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.10.29, пп. 31, 70.—Там же. Д.761.Л.7

¹⁰⁵ Протокол № 77 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.11.1931. — Там же. Д.862.Л.2. «Формально закрытые заседания Политбюро в этом постановлении не упоминались. Однако, как свидетельствуют протоколы, закрытые заседания проводились 1 и 16 числа, а очередные 8 и 23 числа каждого месяца» (О.В.Хлевнюк. Указ. соч. С.64).

¹⁰⁶ Протокол № 136 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 23.4.1933, п.1. — РГА СПИ. Ф.17. Оп.3.Д.921. Л.1.

¹⁰⁷ Другим вероятным катализатором изменения периодичности заседаний ПБ являлось завершение в мае-июне 1934 г. процесса ликвидации коллегий в союзных ведомствах.

временных рамок.

Обстановку, в которой проходили заседания Политбюро кратко рисует в своих воспоминаниях ответственный секретарь "Известий" И.М.Гронский, присутствовавший на большинстве из них в 1929-1934 гг. Политбюро собиралось в Кремле в 11 часов утра, "заседания, как правило продолжались до 7 часов вечера с одним перерывом на 15-20 минут". "Все докладчики ждут в секретариате — небольшой комнате рядом с залом заседаний. Когда подходила очередь — докладчика вызывали". В конце 20-х гг. (до октября 1929 г.) на заседаниях Политбюро председательствовал А.И.Рыков (по крайней мере, во время отсутствия Сталина)¹⁰⁸. Позднее ("в ту пору", пишет Гронский) заседания вел Молотов, который при обсуждении всегда объявлял, что "слово имеет товарищ Сталин". Сталин располагался на другом конце стола от того места, где находился председательствующий и рядом с которым стоя выступал очередной докладчик. "Чуть поодаль, за столом со множеством телефонов, сидела девушка — стенографистка, горбунья, абсолютно бессловесное создание"¹⁰⁹. Судя по протоколам, заседания обычно были многолюдны, члены Политбюро составляли меньшинство среди участников заседаний — членов и кандидатов в члены ЦК, ЦКК, руководителей местных партийных органов, государственных ведомств и т.д. Установить, кто именно присутствовал при вынесении решения по тому или иному конкретному вопросу и мог повлиять на его результаты, необычайно сложно. Состав присутствующих на заседаниях Политбюро, не всегда фиксировался в протоколах¹¹⁰, для доклада по какому именно вопросу был вызван представитель ведомства неясно; сами члены и кандидаты в члены Политбюро могли, надо думать, на короткое время оставлять комнату заседаний. Протоколы Политбюро позволяют скорее судить о том, кто не мог участвовать в обсуждении интересующего нас вопроса повестки дня, чем информируют о подлинном составе присутствующих.

Обсуждение на заседаниях внешнеполитических дел не рассматривалось как имеющее самостоятельную ценность средство взаимной информации и контроля. Об экспериментах в этой области свидетельствует решение, принятое по инициативе Сталина, в период активизации переговоров о заключении пакта ненападения с Польшей весной 1927 г. 7 апреля Политбюро постановило "поставить в следующем заседании Политбюро в четверг, 14.IV. с.г., первую информацию НКВД относительно переговоров с поляками". Состоялось ли такое обсуждение неизвестно, но через две недели НКВД было поручено дать на заседании 28 апреля "точную справку" об освещении советско-польских переговоров в зарубежной печати. Вслед за этим (30 апреля) участники заседания распорядились "представить в Политбюро письменную справку" на этот счет¹¹¹. Эволюция понятий — "информация", "точная справка", "письменная справка" — свидетельствует о стихийном стремлении вывести информационно-контрольные функции Политбюро за пределы его заседаний. Когда речь шла о получении сведений, подлежащих обдумыванию и не требующих немедленного решения, Политбюро предпочитало быть читателем, а не слушателем¹¹². Дискуссия на заседании, напротив, подразумевала обязательное принятие постановления¹¹³.

Несмотря на молчаливую установку не тратить времени на обсуждение, не ведущее к принятию содержательного решения (и, быть может, благодаря ей), значительную часть резолюций Политбюро по международным вопросам, в особенности имеющим политический характер, составляли постановления об откладывании решения. Из ... приводимых в данной работе постановлений ПБ к этой категории относятся ... (около ...%). В некоторых случаях, откладывание решения было вызвано изменением или неопределенностью

¹⁰⁸ См. письмо И.В.Сталина В.М.Молотову, К.Е.Ворошилову, Г.К.Орджоникидзе, 30.9.1929 // Письма И.В.Сталина В.М.Молотову 1925-1936: Сб. документов. М., 1995. С.166-167.

¹⁰⁹ И.М.Гронский. Из прошлого: Воспоминания. М., 1991. С.136, 153.

¹¹⁰ Восстановить имена участников заседаний в тех случаях, когда протоколы не содержат перечня их имен, по журналам посещений кремлевского кабинета Сталина возможно лишь отчасти: сами журналы далеко не полны, заседания проходили не только в этом кабинете.

¹¹¹ Протокол № 94 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 7.4.1927, п.22. — РГА СПИ. Ф.17. Оп. 3. Д.627. Л.4; . Протокол № 96 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 21.4.1927, п.4. — Там же. Д.629. Л.1; Протокол № 99 (особый № 77) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 21.4.1927, п.8. — Там же. Оп.162. Д.4. Л.111.

¹¹² В марте 1925 г. НКВД было предписано "представлять в Политбюро по мере накопления сведений, но не реже одного раза в месяц, систематические обзоры международного положения и иностранной политики" (Протокол № 54 (особый № 41) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 26.3.1925., п. 15 "О совещании" (г). — Там же. Д.2. Л.92). Спустя несколько месяцев Политбюро вновь указало на предпочтительность письменных отчетов перед устными докладами. "Приняв к сведению сообщение т. Чичерина", оно распорядилось: "впредь заменить устные доклады письменными, особо конспиративными, еженедельными справками" (Протокол № 71 (особый № 51[?]) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 26.3.1925., п. 1 "Вопросы НКВД", часть "ж" "О документах", а). — Там же. Д.2. Л.155.

Возможно, это наблюдение заслуживает рассмотрения и в более широком контексте отношения советских руководителей к текстам. См. также сделанные в иной связи замечания Д.Арч Гетти (J. Arch Getty. *Afraid of their shadows: The Bolshevik recourse to terror* // Manfred Hildermeier (Hrsg.). *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg: Neue Wege der Forschung*. München, 1998. P.175-176.

¹¹³ "Для него обсудить вопрос, означает решить его", — писал о Сталине А.Д.Сперанский (А.Сперанский. Указ. соч.).

международной обстановки, появлением новых факторов, значение которых к моменту постановки вопроса на Политбюро могло оказываться недостаточно ясным¹¹⁴. Другой причиной являлось следование процедуре, выработанная в первые послереволюционные годы. "...Одного правила в ЦК придерживались строго — если при обсуждении какого-то решения или документа возникали дискуссии, появлялись иные точки зрения, вопрос тут же с обсуждения снимался и отправлялся на доработку, — вспоминал технический секретарь Политбюро в 1925-1926 гг. А.П.Балашов. — Считалось, что он недостаточно подготовлен и незачем тратить время на разговоры. Так было и в ПБ, и в комиссиях"¹¹⁵. Вероятно, именно в связи с межведомственными и иными разногласиями на протяжении августа 1929 г. на заседаниях Политбюро трижды принималось постановление "отложить" "вопрос о прилете литовской эскадрильи"¹¹⁶. Третьим фактором отсрочки (порой завуалированной — когда новое решение Политбюро по сути дублировало предыдущее) являлось отсутствие в Москве наиболее авторитетных членов Политбюро, которым чаще других поручалось формулирование внешнеполитических постановлений (Сталина, Молотова, Ворошилова). График их отпусков составлялся со сдвигом, однако нужный эффект достигался не всегда. Так, в конце августа — первой половине сентября 1931 г., когда советское руководство оказалось перед необходимостью пересмотра политики в отношении Польши (а косвенно — и других сопредельных европейских государств) Сталин и Молотов находились в отпуске, Ворошилов — в длительной командировке, и ответственность за принятие решения пала на плечи Кагановича, Калинина, Орджоникидзе и Рудзутака. Вследствие этого постановления Политбюро 3 и 10 сентября оказались вариациями его решения от 30 августа и фактически откладывали разрешение вопроса до получения новых директив Сталина из Сочи, возвращения Молотова из отпуска (и Литвинова из Женевы). Наконец, откладывание решений относительно перемещений заграничных кадров было вызвано необходимостью выяснить их отношение (порой переменчивое) к предполагаемым назначениям или трениями между руководителями соответствующих ведомств.

Эти замечания во многом относятся к решениям о передаче поставленного перед Политбюро вопроса во временные комиссии. Такие комиссии создавались как для руководства ведением важных переговоров¹¹⁷, так и *ad hoc* — для выработки отдельных решений, составления или редактирования проектов документов (в частности, дипломатических нот или инструкций по ведению переговоров). В комиссии этого типа входили как члены Политбюро, так и представители заинтересованных ведомств, выработанные в них решения могли позднее передаваться на утверждение в Политбюро*, но в некоторых являлись окончательными и не подлежали дополнительной санкции Политбюро.

Две рассмотренные группы решений — постановления об откладывании вопроса и о передаче его в специально создаваемую комиссию — могут рассматриваться как "подвиды" или "модификации" основных типов процесса выработки постановлений, описанных Н.Н.Покровским. Выработанная им на материалах начала 20-х гг. классификация в целом применима (насколько можно судить без ознакомления с черновыми протоколами) и к внешнеполитическим решениям более позднего времени. Она включает четыре типа ситуаций:

(1) "ПБ без изменений принимает после обсуждения формулировку постановления, содержащуюся в инициативном документе". Как отмечалось выше, в инициативных записках НКВД далеко не всегда содержался проект постановления, распространенной практикой являлось принятие постановлений этого типа в форме "Принять предложение ..." (с указанием ведомства или лица, внесшего его в Политбюро).

(2) В постановлении отмечается, какая именно часть проекта постановления или вариант, изложенный в инициативной записке, получил санкцию Политбюро.

(3) "Предложенные в инициативном документе формулы постановления одобряются ПБ, но при этом подвергаются смысловой правке, редактированию".

(4) "При обсуждении на заседании ПБ инициативного документа принимается совершенно иное предложение, сформулированное кем-либо из членов ПБ еще до заседания или непосредственно в ходе его"¹¹⁸.

По многим вопросам, переданным на усмотрение Политбюро, решения принимались *опросом* его членов. Опрос проводился путем рассылки членам Политбюро либо специально оформленных опросных листов, либо телефонограмм¹¹⁹. Этот метод принятия решений, предоставлявший руководителям и аппарату Политбюро еще большие полномочия в области формулирования текста постановления, применялся как для принятия срочных решений в промежутках между заседаниями Политбюро, так и для разгрузки повестки

¹¹⁴ См., например, решение "О Чехо-Словакии" от 20.4.1931 (часть 1).

¹¹⁵ А.П.Балашов, Ю.С.Мархашов. Старая площадь; 4 (20-е годы) // Полис: Политические исследования. 1991. № 4. С.185

¹¹⁶ См. комментарий к решению "Предложение т. Антонова-Овсенко" от 12.8.1929 (часть 1).

¹¹⁷ Например, "комиссия по переговорам с Францией", в которую вошли четыре члена ПБ (Сталин, Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе), руководители НКВД (Розенгольц) и НКВД (Крестинский) (Протокол № 43 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 16.6.1931, п.57/2. — РГА СПИ. Ф.17. Оп.162. Д.10. Л.89).

* См. решения «О Финляндии» от 14.2.1929 и 21.2.1929.

¹¹⁸ Н.Н.Покровский. Указ.соч. С.24-25.

¹¹⁹ Там же. С.29-30.

заседаний Политбюро (известна практика принятия решений опросом на самом заседании¹²⁰). В обращениях по различным вопросам руководства НКВД и НКВДТ в Политбюро нередко предлагался такой способ рассмотрения дела¹²¹. В большинстве таких обращений речь шла либо о том, что по спорному межведомственному вопросу был достигнут компромисс¹²², либо о внесении частичных изменений в ранее полученные директивы. Примерная группировка решений Политбюро по способам их принятия и политической значимости в конце 20-х-начале 30-х гг. в основном подтверждает такую корреляцию.

Первоначально опрос, по-видимому, рассматривался как суррогат процесса принятия решения ПБ. В начале 20-х гг. результаты опроса обычно утверждались на последующем заседании с формулировкой: "Подтвердить решение Политбюро от ..." , что, по всей вероятности, было связано с разногласиями, порой разделявшими членов Политбюро в соотношении 3:4 или даже 4:4¹²³. К концу 1920-х гг. изменение облика Политбюро и содержания его деятельности, растущая рутинизация, сопровождалась отказом от процедуры "подтверждения" результатов опроса. Принятие решений "опросом" становится нормальной практикой. С начала 30-х доля постановлений ПБ принятых опросом быстро возрастает и вскоре становится преобладающей. К весне 1937 г. эта практика достигает своего апогея, затем внезапно (в течение нескольких месяцев) уступая место иной, отличной от заседаний Политбюро и опроса его членов, рабочей процедуре (или процедур), скрытой за названием *решение Политбюро*.

Эта труднопостижимая запись отражает, во-первых, внеплановое, проводимое в промежутке между регулярными заседаниями Политбюро, собрание его членов. На это косвенно указывает редкость таких записей в протоколах конца 1920-х—начала 30-х гг., когда заседания Политбюро были сравнительно часты. В своеобразном контексте эта запись встречается в нескольких протоколах относящихся к лету 1931 г.; можно предположить, что тогда в составлении протоколов приняло участие новое лицо, зафиксировавшее факты заседаний в форме, которая отступала от сложившейся традиции делопроизводства и более непосредственно отражала жизненные обстоятельства работы Политбюро¹²⁴. В протоколе № 42 указано, что он относится к заседанию Политбюро "от 8 июня и 10 июня 1931 г.", отдельно приводится список Политбюро присутствовавших в эти дни. Перечень вопросов повестки дня и запись принятых по ним постановлений предваряет формулировка "решения Политбюро" (с указанием дат – 8 июня, 10 июня). Перед разделом, относящимся к 10 июня, дополнительно указано, что он относится к "заседанию Политбюро"¹²⁵. Заглавие другого протокола лета 1931 г. (№ 53) относит его содержание к заседаниям Политбюро 28 и 20 июля. В тексте этого протокола не содержится указания на "решения ПБ" или иных помет, которые отдавали бы предпочтение одной из этих встреч членов Политбюро перед другой¹²⁶. Рассмотренные выше случаи показывают, что, по крайней мере, в некоторых случаях "решения" Политбюро принимались на встречах, на которых присутствовали не только руководители, но и "рядовые" члены этого органа. Однако присутствия большинства членов Политбюро было недостаточно, чтобы считать их деловую встречу полноценным заседанием, таковыми оказывались только собрания в специально отведенные дни. В исключительных случаях заседание вне расписания могло быть признано частью регулярного процесса, и лишь в одном из изученных нами протоколов оба эти вида рабочих встреч членов Политбюро документально оформлены как равноправные заседания.

Во-вторых, в рубрике "решения Политбюро" фиксировались договоренности ведущих деятелей ЦК, к

¹²⁰ См. О.В.Хлевнюк. Указ. соч. С. 65. На одном из заседаний января 1929 г. Сталин просто пустил по кругу клочок бумаги, на котором карандашом сообщал о желании получить краткий отпуск; члены ПБ расписались на нем, и таким путем, "опросом", решение о предоставлении десятидневного отпуска было принято (РГА СПИ. Ф.17. Оп.163. Д.765. Л.106).

¹²¹ См, в частности: Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину, В. М. Молотову. 20.12.1931. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. Папка 79. Д. 100. Л. 16; Записка А. П. Розенгольца И. В. Сталину, В. М. Молотову. 22.10.1932. – Там же. Ф. 09. Оп. 7. Папка 55. Д. 5. Л. 181.

¹²² В этом случае обращение могло исходить от руководителей двух ведомств (См.: Записка Ш.З.Элиавы и Б.С.Стомонякова в Политбюро: 23.4.1932. – Там же. Л.153).

¹²³ Н.Н.Покровский приводит случай, когда на заседании Политбюро дважды утверждался результат опроса (Указ.соч. С.32).

¹²⁴ На некоторый сбой в делопроизводстве Политбюро летом 1931 г. указывает и нарушение нумерации протоколов. Протокол заседания от 20 июля имеет номер 50 (РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 837), а протокол от 25 июля – номер 51 (Там же. Д. 838.). В промежутке между ними (22-23 июля) состоялось едва ли не единственное в своем роде "заседание Политбюро с представителями партийных, кооперативных и хозяйственных организаций"; его протокол помечен номером 52 (Там же).

¹²⁵ Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 42 от 8 и 10 июня 1931 г. – Там же. Д. 829. Согласно журналам посещения кабинета Сталина, вечером 10 июня 1931 г. состоялась трехчасовая встреча членов Политбюро (Посетители // ИА. 1994. № 6. С.35.)

¹²⁶ Вероятно, это было связано с неясностью, какое из них является регулярным. Согласно регламенту, таковым должно было быть признано заседание 30 июля. Однако встреча 28 июля состоялась через 5 дней после внепланового, но вполне официального заседания 22-23 июля. Поскольку пятидневный промежуток между заседаниями являлся в то время нормой, то у составителя (оформителя) протокола, по-видимому, создалось впечатление, что заседание 28 июля вписывается в нормальный режим работы Политбюро.

которым они приходили на встречах, проводимых по делам других партийных инстанций – Оргбюро и Секретариата. Так, за первые четыре месяца 1930 г. протоколы Политбюро содержат 14 дат принятия “решений”. Из них только три даты не совпадают с 10-ми, 20-ми и 30-ми числами месяца, т.е. с установленными для заседания Оргбюро днями. Естественно предположить, что собравшись по делам ОБ, входившие в него члены Политбюро оперативно разрешали проблемы, которые по тем или иным причинам они не считали нужным откладывать на пять дней – до очередного заседания Политбюро. По мнению О.В.Хлевнюка, в рассматриваемую серию постановлений “попадали решения, принятые Секретариатом ЦК во время предварительного рассмотрения повестки заседаний Политбюро”¹²⁷.

В конце 1930 г. руководство Политбюро предприняло попытку придать законный статус такого рода узким собраниям и именовать их “заседаниями Политбюро”. “На заседаниях Политбюро по 10-м, 20-м и 30-м числам заслушивать только вопросы ГПУ, НКВД, обороны, валютные (секретные) и некоторые внутрипартийные вопросы...”, — говорилось в специальном постановлении¹²⁸. Однако этот порядок не прижился. В протоколах ПБ лишь с мая 1931 г. наблюдается предусмотренная декабрьским постановлением пятидневная периодичность заседаний. Это обстоятельство можно было бы считать нежеланием оформлять специальные протоколы “закрытых заседаний”, однако и “решения Политбюро” в начале 1931 г. отнюдь не всегда датировались указанными числами. Так, в марте 1931 г. “решения” принимались 11, 13, 14, 20 и 30 числа. Обременительным оказалось и разделение вопросов по срокам рассмотрения, степени их секретности и тематике. Временным выходом из этих затруднений с конца весны 1931 г. стало более частое проведение очередных заседаний, оформлявшихся отдельным протоколом, причем некоторые из постановлений принятых в день заседаний фиксировались как “решения Политбюро”. Можно предположить, что они принимались в узком кругу (на “закрытом заседании”). К концу 1931 г. сбой в таком порядке стали перерастать в отказ от него¹²⁹.

Эти наблюдения над соотносимостью понятий “решение Политбюро” и “закрытое заседание Политбюро” позволяют заключить, что не секретность заседания определяла особый протокольный статус принятых на нем решений, а его внеочередной характер и несоблюдение процедур, характерных для регулярного заседания ПБ. К ним, вероятно, относились, порядок подготовки повестки дня, наличие кворума, голосование). В протоколах конца 20-х—середины 30-х гг. нет свидетельств проведения заседаний, в которых участвовало бы менее половины от числа избранных в Политбюро (членов и кандидатов в члены). По-видимому, эта цифра и определяла правомочность заседания, а невозможность ее достичь автоматически переводила постановления Политбюро в рубрику “Решения Политбюро”¹³⁰. В связи с отсутствием упоминаний о кворуме в предложенном Лениным регламенте Политбюро (1923) Дж.Левенхардт обращает внимание на распространенную практику «проводить так называемые совещания [administrative meetings] в дополнение к заседаниям [plenary meetings]». Так, материалы Совета Труда и Обороны показывают, что на его совещаниях не требовалось кворума, но принятые таким путем решения имели силу постановлений ЦО, «поскольку они были подписаны председателем Совета»¹³¹. В таком контексте необычным предстает не столько проведение Политбюро «совещаний» и принятие «решений», сколько предпринятая в конце 1930—1931 г. попытка придать таким им регулярный характер. Подытоживая наши соображения, можно в общей форме отождествить реалии, стоящие за “решением Политбюро”, с неформальной встречей или рабочим совещанием членов Политбюро, проводимым по мере надобности и в неполном (или суженном) составе.

Судя по протоколам, обозначаемая этим термином практика, зародившись в 1920-е гг. достигла кульминации в 1931 г., на который приходится 53 даты принятия “решений”. В 1932 г. их число снижается до 29, в 1933-1934 г. — до 9-11. В январе 1935 г., когда заседаний ПБ вообще не проводилось, эта рубрика появляется в протоколах четыре раза, после чего на два года исчезает из них вовсе, будучи вытеснена “опросами”. Через две недели после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. запись о “решениях Политбюро” начинает обретать довлеющий характер (18 перечней “решения ПБ” в течение месяца, начиная с 19 марта), пока наконец протоколы высшего политического органа не стали состоять исключительно из таких записей. Наблюдения за меняющимся соотношением *заседаний, опросов и решений* позволяют предположить, что, по крайней мере, с середины 30-х гг. два последних способа принятия постановлений Политбюро в действительности походили друг на друга: существо постановления вырабатывалось и утверждалось на

¹²⁷ О.В.Хлевнюк. Указ. соч. С.287. Основания для этого (весьма правдоподобного) наблюдения нам неизвестны.

¹²⁸ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о заседаниях Политбюро, 30.12.1930.

¹²⁹ В декабре 1931 г. ни одно из “решений” не было утверждено в день проведения оформленных протоколом заседаний, или 10-го, 20-го или 30 числа: такие постановления датированы 2, 3, 18, 25, 27 декабря, очередные заседания состоялись 1, 8, 16, 23 декабря (см.: Хроника заседаний Политбюро // О.В.Хлевнюк и др. (сост.) Указ. соч. С.210-211).

¹³⁰ См. также: Н.Н.Покровский. Указ. соч. С.29. На важность этого фактора для соответствующего оформления постановлений указывает также то обстоятельство, что наибольшая плотность записей о “решениях ПБ” приходится на лето-начало осени – в начале и в конце периода отпусков (к которым добавлялись и командировки) членов руководящих органов. В частности, в 1931 г. 17% подневных записей такого рода приходится на период с 5 по 25 июня, а в 1932 г. 21% от их общего числа – на период с 17 по 29 июня.

¹³¹ John Lowenhardt et al. The rise and fall of the Soviet Politburo. L., 1992. P.104.

неформальной встрече нескольких руководящих деятелей, после чего аппарат ПБ придавал им законность проводя опрос остальных членов Политбюро либо оформляя их в виде "решений".

Ведомственная переписка НКВД содержит также упоминания о решениях "инстанции" ("сессии", "правительства"), которых не удалось обнаружить в беловых копиях протоколов Политбюро. Полпреду в Хельсинки, например, сообщалось, что в начале июля 1933 г. в Политбюро обсуждалась советская позиция на переговорах с Финляндией о ее присоединении к Лондонским конвенциям и был согласован текст соответствующих инструкций (направлены полпреду 12 июля)¹³². Можно предположить, что эти решения были приняты в кабинете Сталина 2 июля между 14.10 и 14.45, когда там находились Молотов, Крестинский, Сокольников, а также покинувшие совещание около половины третьего Ворошилов и Орджоникидзе¹³³, но поиски протокольной записи оказались тщетны. Так же обстоит дело и с фиксацией в протоколах Политбюро некоторых крупных внешнеполитических акций СССР (в частности, заключение Лондонских конвенций об определении агрессии). Не исключено, что часть таких решений была принята комиссиями Политбюро*. Однако в документах содержатся недвусмысленные указания на то, что некоторые запросы НКВД разрешались в ином порядке — путем получения устной (беспротокольной) санкции Политбюро¹³⁴. Подозрения, что решения по некоторым важным и второстепенным запросам принимались без занесения в протокол (по крайней мере, беловые копии), усиливаются отрывочными мемуарными свидетельствами. По утверждению И.М.Гронского, в начале 1932 г. "состоялся оперативный пленум ЦК, закрытый — без протокола, без стенограммы", на котором было решено перейти в "активное политическое наступление на Дальнем Востоке". Литвинов на этом заседании "не был и даже ничего не знал о нем"¹³⁵. "Пленум ЦК", на который не приглашен один из его членов, скорее подпадает под определение одного из "заседаний Политбюро", тем более, что документация о Пленумах ЦК, на которых бы рассматривались международные проблемы, с конца 1920-х отсутствует. Присутствие на заседаниях группы членов ЦК (порой весьма многочисленной¹³⁶), было столь же нормальным явлением, как и замещение на них Литвинова его заместителями. Поэтому свидетельство Гронского представляет ценность главным образом как указание на принятие "инстанцией" (вероятно, Политбюро, а не ЦК) особых, "беспротокольных", постановлений" по важным внешнеполитическим делам. Кроме того, известно, что по крайней мере, до начала 1930-х гг. Секретариат и Оргбюро часто прибегали к такой процедуре, используя при голосовании бланк со специальным штампом "без протокола", особенно когда речь шла о мелких рутинных делах (допуск тех или иных лиц к материалам ЦК, отмене или переносе заседаний и т.д.) Это впрочем не означало, что решение не фиксировалось в оригиналах протоколов этих органов¹³⁷. С фиксацией "беспротокольных" постановлений в архивах Политбюро дело обстоит, по-видимому, еще сложнее.

Н.Н.Покровский, впервые рассмотревший эту "трудную для источниковеда ситуацию" на материалах 1922-23 гг., пришел к выводу, что "когда на заседании ПБ принималось постановление "без занесения в протокол", оно не включалось в комплекс документов черного протокола". Оно записывалось отдельно, в единственном экземпляре и откладывалось в тематических делах Секретного Архива ЦК, причем неизвестно с какой полнотой — "уже сейчас выявляются лакуны". Еще более осторожно крупный источниковед высказывается о мотивах, по которым постановлению Политбюро придавался "беспротокольный" статус¹³⁸. Фрагментарная документация 30-х гг. свидетельствует, что нет оснований отождествлять их с соображениями секретности. Если в протокол Политбюро были включены, например, постановление "О танковой программе"¹³⁹ или директивы по мобилизационному планированию и строительству вооруженных сил на 1931-1933 гг., то, следуя логики "конспирации", непонятно, почему малозначительные коррективы в инструкции Стомонякову по проекту пакта ненападения с Латвией¹⁴⁰ не получили в нем аналогичного отражения. Вероятно, феномен постановлений "без занесения в протокол" отражает не только особый порядок записи решений заседания ПБ, но и своеобразные рабочие процедуры вне рамок таких заседаний, быть может — санкционирование тех или иных решений Сталиным и Молотовым (как в приведенном выше примере с запиской Крестинского об эксгумации останков чехословацких легионеров). В соответствии с заведенным порядком, такого рода малозначительные запросы требовали санкции Политбюро, что вступало в противоречие

¹³² См.: Письмо Н.Н.Крестинского Б.Е.Штейну, 5.8.1933. — АВП РФ. Ф.010. Оп. 8. П.32. Д.87. Л.4.

¹³³ Посетители // ИА. 1995. № 2. С. 184.

* См. вступительную статью к разделу 5.

¹³⁴ См. комментарий к решению «О Латвии» от 1.2.1932.

¹³⁵ И.М.Гронский. Указ.соч. С.147.

¹³⁶ В заседании ПБ 8 февраля 1932 г., например, наряду с членами ПБ приняли участие 59 других членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), что в сумме дает 48% списочного состава Центрального Комитета, избранного XVI съездом партии.

¹³⁷ Так, заурядное постановление "О разгрузке т.Ангарова А.И." (1.3.1929) было по требованию Молотова принято "без записи в протокол", что не помешало не только записать "беспротокольное" постановление в протокол Секретариата ЦК ВКП(б), но и послать выписки из него по восьми адресам (РГА СПИ. Ф.17. Оп.113. Д.866. Л.251).

¹³⁸ Н.Н.Покровский. Указ. соч. С.36-37.

¹³⁹ Протокол № 27 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.2.1931. — РГА СПИ. Ф.17. Оп.162. Д.9. Л.151-156.

¹⁴⁰ См. решение «О Латвии» от 28.1.1932 (часть 1).

с физической способностью этого органа к коллективному принятию решений, даже с использованием суррогативной технологии "опроса". Потребности момента побуждали пренебрегать церемониями¹⁴¹. Однако легитимность исключения их из сферы полномочий Политбюро наталкивалось на общие соображения централизованного политического контроля, сохранения начал коллективного руководства. Думается, что такого рода дилеммы подталкивали руководство Политбюро к выработке паллиативных решений, одним из которых, вероятно, являлась "беспротокольная" форма фиксации постановлений, становившихся известными лишь нескольким руководителям и исполнителям.

Феномен "беспротокольных постановлений", ни тексты, ни само существование которых в 30-е гг. не является твердо установленным, хорошо обозначает пределы постижения механизмов выработки решений на основе доступных источников. При всей важности многокритериальной статистической и содержательной обработки белых протоколов Политбюро (задачи лишь едва намеченной в работах последних лет), существенное продвижение в этом направлении вряд ли окажется возможным без введения в исследовательский оборот оригиналов протоколов Политбюро, сопровождающих их тематических дел, новых пластов документации из ведомственных архивов. Однако и совокупность этих материалов в некоторых важных случаях неспособна заменить зафиксированного устного свидетельства, независимо от степени его полноты. «По отношению к Польше мы *приняли* эту *политику*, — рассказывал руководитель ЦК, оправдывая выбор, сделанный ранее в узком кругу: — Мы *решили* использовать наши военные силы, чтобы помочь советизации Польши. Мы *формулировали* это *не в* официальной *резолуции*, записанной в *протоколе* Ц[ентрального] к[омитета], и представляющей собой закон для партии и нового съезда, но *между собой мы говорили*, что мы должны штыками пощупать — не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?»¹⁴². Приведенные аргументы (и свидетельство Ленина) побуждают расширять поиск источников, отражающих процесс принятия Москвой политических решений.

¹⁴¹ Так, Литвинов в одном из "весьма срочных" писем Сталину (о необходимости быстро отреагировать в печати на развернувшуюся в Финляндии кампанию в защиту советских ингерманландцев) предлагал Генеральному секретарю (именно "предлагал", а не просил его) отредактировать заметку для публикации в "Известиях" и правленный экземпляр передать Поскребышеву (Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину, 19.4.1931. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. Папка 79. Д. 100. Л. 8).

¹⁴² В.И. Ленин. Политический отчет ЦК РКП(б) на IX Всероссийской конференции РКП(б), 22.9.1920 // Он же. Неизвестные документы 1891-1922. М., 1999. С.374 (курсив авторов).

III

Материалы о руководстве Политбюро советской внешней политикой в 20-30-е гг. не исчерпываются коллекциями оригинальных документов из фондов ЦК РКП(б)-ВКП(б). В качестве достоверных источников исследователями международных отношений и политики Москвы нередко привлекаются мемуарные свидетельства и архивные коллекции (главным образом, немецкие), которые содержат сведения о мотивах и содержании решений Политбюро, позиции его членов. Эти материалы подкупают яркостью и образностью характеристик, планы советского руководства представлены в них с захватывающей ясностью и полнотой.

Классическим примером является повествование В. Кривицкого (С.Г.Гинзбурга) о заседаниях Политбюро летом 1934 г., на одном из которых Сталин наметил курс на сближение с гитлеровской Германией, а на другом "сделал попытку вынудить Польшу сформулировать свою политику в ущерб Германии". "Для решения проблемы" "какой путь изберет Польша" был созван " пленум Политбюро", "Литвинов, Радек, а также представитель Комиссариата обороны" якобы выступили за сближение с Польшей и только начальник отдела ОГПУ Артузов "выразил мнение, что перспективы польско-советского союза иллюзорны". Автор мемуарных записок дословно цитирует отповедь Сталина, "раздраженного таким откровенным несогласием" Артузова "с мнением Политбюро"¹⁴³. Самый поверхностный анализ показывает, что Кривицкий-Гинзбург безнадежно перепутал все, что мог слышать о дискуссиях "в верхах" на эту тему: после заключения польско-германского соглашения о ненападении 26 января 1934 г. обсуждать перспективы "польско-советского союза" не приходилось. Тем не менее, уже в 90-е гг. известный своими архивными разысканиями автор в статье о "польском вопросе в истории советско-немецких отношений" пересказал этот пассаж (без ссылок на источник), сопроводив его комментарием: "Заключение польско-немецкого соглашения вскоре подтвердило правильность его [Артузова] прогнозов"¹⁴⁴. Абсурдность утверждения, что события января подтвердили июльский прогноз того же года, побудила автора в последующем снять указание на дату "заседания Политбюро", заменив его осторожным "тогда"; существо пересказа и комментариев были сохранены¹⁴⁵. "Исправление источника" продолжил другой историк, который, сверившись с протоколами Политбюро и международной хроникой, почел за благо отнести рассказ Кривицкого к "совещанию в Кремле" и датировал его "летом 1933 г."; это позволило позаимствовать у своего предшественника тезис о том, что вскоре (в январе 1934 г., когда "антисоветская политика Польши стала достаточно [sic] откровенной") "правота Артузова подтвердилась"¹⁴⁶. Открывшиеся перед исследователями новые возможности верификации мемуарно-публицистического материала оказались использованы для того, чтобы замаскировать его уязвимость и продлить жизнь легенде, обращение к новейшей истории, в том числе, деятельности Политбюро, соединилось с рецидивом средневекового повествовательного метода, согласно которому правдивость известия оценивается с точки зрения его соответствия "здравому смыслу" и если она может быть "улучшена", известие подправляется. Мемуарных и газетных утверждений, подобных рассмотренному выше, немало, однако, они, как правило, являются источниками по иным проблемам, нежели деятельность Политбюро и советская внешняя политика.

Другим крупнейшим резервуаром сведений о советском Политбюро являются коллекции документов из архивов Веймарской республики и "Третьего рейха", которые на протяжении 20-30-х гг. поступали в МИД и военную разведку Германии, а позднее в ведомство Риббентропа и адъютантуру Гитлера. Часть из них, посвященная проблемам международной политики, была широко (и без какой-либо критической проверки) использована некоторыми западными авторами¹⁴⁷. Специальный анализ этих документов за 1931-1937 гг. ("Stojko-Informationen" 1931-1933 гг. — сведения о решениях Политбюро, выписки из докладов и цитаты из выступлений на Политбюро; коллекция 1934-1937 гг. — решения Политбюро, выдержки из выступлений его руководителей) показал, что их нельзя считать фрагментами аутентичных записей, сделанных на заседаниях этого органа. Все поступившие в Берлин материалы были созданы одним человеком (или группой лиц),

¹⁴³ Walter Krivitsky. I was Stalin's agent. N.Y., 1940 (Цит. по: Вальтер Кривицкий. Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика. М., 1996. С.23-24). Один из первых примеров использования этого свидетельства в исторических сочинениях см.: Stanislaw Mackiewicz. O jedenastej – opowiada aktor... L., 1942. Str. 56.

¹⁴⁴ В.А.Старков. Sojusz czy konfrontacja. Kwestia polska w historii stosunkow radziecko-niemieckich w latach 1933-1937 // Problem granic i obszaru odrodzonego panstwa polskiego. 1918-1990. Poznan, 1992. S.156-157.

¹⁴⁵ Б.А.Старков. Союз или конфронтация: Из истории советско-германских отношений // Его же. Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995. С.73.

¹⁴⁶ Е.Горбунов. Военная разведка в 1934-1939 годах // Свободная мысль. 1998.№ 2. С.103. Е.А.Горбунов счел излишним ссылаться как на В.Кривицкого, так и на коллегу Б.А.Старкова.

¹⁴⁷ См. J. Korbel. Poland between East and West: Soviet-German diplomacy toward Poland, 1919-1933. Princton, NJ, 1963; M. Loventhal, J. McDowell. The Stalins Resolutions and the Road to World War II // San Jose Studies. 1980 (Nov.). P. 78-104; I. Pfaff. Der Kurswechsel der sowjetischen Mitteleuropapolitik nach Rheinlandbesetzung // Zeitschrift für Ostforschung. 1985. Bd 34. S. 67-108; idem/ Sovetska zdrada. Praha, 1993. Критический разбор многочисленных работ И.Пфаффа см.: Jindrich Dejmek. K československo-sovetským politickým vztahum ve druhe polovine tricátých let // Cesky casopis historický. 1999. N 1. S.80-104.

находившимся в Вене или имевшим налаженную связь с австрийской столицей¹⁴⁸. Используемые в этих документах формулировки напоминали резолюции низового партийного собрания (“По представленному НКВД докладу о международном положении Политбюро ВКП (б) на своем заседании от ... пришло к единодушному решению, что...”). Зачастую их авторы оперировали общими тезисами (в июле 1935 г. Политбюро якобы поставило перед Наркоминделом задачи “укрепления авторитета Лиги Наций с помощью успешного предотвращения вооруженного конфликта между Италией и Абиссинией”; “расширения полномочий Лиги Наций в вопросе применения санкций против агрессора”; “установления возможно более тесного внешнеполитического контакта между СССР, Великобританией, Францией и Италией на основе осуществления системы безопасности и гарантий оказания помощи” “сближения между Малой Антантой и Италией и ускорение заключения Дунайского пакта” и т.д.¹⁴⁹). Венские материалы содержат и саморазоблачительные красоты, подобные “выступлению Ворошилова на заседании Политбюро в августе 1937 г.”: “В недалеком будущем чехословацкая земля содрогнется от поступи Красной армии, затем придет черед освобождения пролетариата в Австрии, Венгрии, Румынии и Польше. В случае вступления Красной армии в Чехословакию и восстания пролетариата в соседних с ЧСР странах, следует учредить большую наддунайскую республику (Чехословакия, Румыния, Венгрия, Австрия, север Югославии) под чешским водительством, и Балканскую республику”¹⁵⁰. Неудивительно, что статс-секретарь МИД Б. фон Бюлов, узнав от Папена, что тот регулярно предоставляет в Имперскую канцелярию доклады о заседаниях Политбюро вроде тех, которые в начале 30-х гг. приобретались для нужд внешнеполитического ведомства, вынужден был констатировать неразумность расходов на финансовую поддержку венского автора¹⁵¹.

Развенчание немецких коллекций “документов Политбюро” и растущий скептицизм по поводу точности мемуарных свидетельств перебежчиков, не исключают, на наш взгляд, возможности привлечения материалов о деятельности высших партийно-государственных инстанций, которые поступали из Москвы по дипломатическим или разведывательным каналам. Как отмечал многолетний корреспондент “Берлинер Тагенблатт” в Москве Пауль Шеффер (имя которого неоднократно упоминается в протоколах Политбюро), хотя “стены Кремля окутаны непроницаемым облаком”, напряжение, с которым устремлены на них взгляды непосвященных, позволяло проникать эту преграду¹⁵². Быть может, наиболее перспективны в этом отношении государственные архивы Турции, представители которой в 1920-середине 30-х гг. пользовались в Москве режимом наибольшего благоприятствования. Турецким дипломатам было отведено особое помещение в здании НКВД для просмотра выборок из советской дипломатической переписки, некоторые сведения они получали напрямую от членов Политбюро. Например, в апреле 1935 г., как сообщил посол З.Апайдин своему американскому коллеге, “один из членов Политбюро лично информировал его о том, что на заседании этого органа позапрошлым вечером Литвинов был подвергнут суровой критике за введение своего правительства в заблуждение относительно готовности французов подписать соглашение [договор о взаимной помощи], предусматривающее его автоматическое применение в случае “вызывающей агрессии””. Турецкий посол добавлял, что “несколько членов Политбюро говорили ему о том, что они добиваются замены Литвинова Трояновским на посту комиссара по иностранным делам”¹⁵³. Протоколы ПБ подтверждают факт проведения встречи его членов (или закрытого заседания) в день, указанный З.Апайдином (25 апреля); сопоставление сообщения посла с советскими и британскими документами о переговорах СССР и Франции в апреле 1935 г. (а также со свидетельствами О.А.Трояновского о положении его отца в те годы) указывают на высокую вероятность того, что полученная им информация о позиции членов Политбюро была вполне достоверной. Надо полагать, в бумагах турецкого посольства в Москве и его донесениях в Анкару контакты с членами высшего советского руководства, сведения об их настроениях, мнениях, о дискуссиях на заседаниях Политбюро отражены с гораздо большей подробностью и систематичностью, чем в немногих известных высказываниях турецких дипломатов своим коллегам по дипкорпусу. До настоящего времени внешнеполитические архивы Турецкой республики наглухо закрыты для исследователей; к тому же, некоторые аспекты советско-турецких связей межвоенного периода ни в Москве, ни в Анкаре не желали бы сейчас предавать огласке. Нынешнее положение не вечно, и, возможно, документация турецких архивов в будущем станет важным вспомогательным источником при исследовании процесса принятия решений

¹⁴⁸ M. Reiman, I. Sütterlin. Sowjetische “Politbüro-Beschlüsse” der Jahre 1931-1937 in staatlichen deutschen Archiven // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1989. Bd. 37. H. 2. S. 215-216.

¹⁴⁹ Ibid. S. 203, 205.

¹⁵⁰ Цит. по I. Pfaff. Sovetska zdrada. Praha. S.78-79. Элементарное историческое чутье должно было подсказать, что летом 37-го года у наркома обороны были иные заботы, чем планирование раздела Югославии. Пфафф же сопроводил цитату восклицательными знаками.

¹⁵¹ M. Reiman, I. Sütterlin. Ibid. S. 208. Некоторые из получаемых Берлином материалов становились известны советской разведке и отложились в отечественных архивах. См., в частности: Планы внешней политики Советского Союза (Меморандум Крестинского о необходимости совместных действий Советского Союза с Англией, САШ и Китаем против Японии), [не ранее 13.2.1932] (перевод с немецкого). – РГВА. Ф.4. Оп. 19. Д.13. Л.143-145.

¹⁵² Paul Scheffer. Seven years in Soviet Russia. L., N.Y., 1931. P.XV.

¹⁵³ W.C.Bullitt to Secretary of State, tel., Moscow, 27.4.1935. – SDNA. 751.6111/65.

советским руководством.

Государственные архивы стран, отношения которых с Советским Союзом, оставляли желать лучшего, также содержат материалы о деятельности Политбюро, полученные в результате упорных профессиональных усилий дипломатов¹⁵⁴. Так, видный государственный деятель Финляндии Рудольф Холсти (друг юности Отто Куусинена¹⁵⁵) в период пребывания на посту посланника в Ревеле (1923-1926 гг.) периодически направлял МИД сообщения об обсуждении высшими партийными инстанциями советской политики в Балтийском регионе. В частности, согласно докладом Холсти, в декабре 1925 г. Политбюро дважды рассматривало ближайшие задачи советской политики на Балтике, причем Зиновьев, Сталин, Дзержинский, Молотов и представители НКВМ высказывались в пользу “возврата” портов и даже присоединения прибалтийских государств к СССР военной силой, тогда как Каменев, Рыков, Томский, Сокольников, Рудзутак, а также Литвинов склонялись к расширению советского присутствия на Балтике посредством заключения торговых договоров и таможенных союзов¹⁵⁶. Для полной критической оценки этой серии финских документов (следы которой уходят в архивные хранилища США, куда позднее эмигрировал Р.Холсти) и других пока не вошедших в научный оборот иностранных свидетельств о деятельности Политбюро, недостает, однако, материалов из архива Политбюро, “законное” происхождение которых находится вне подозрений. Параллельное расширение круга отечественных и зарубежных документов и выработка методов их критического сопоставления могли бы заставить заговорить, пусть и на иностранных языках, некоторые молчаливые знаки деятельности Политбюро, помочь различить индивидуальные голоса в хоре его коллективных решений.

* * *

Завершая рассмотрение механизмов подготовки, принятия, фиксирования и распространения решений Политбюро по внешнеполитическим проблемам, мы хотели бы подчеркнуть, во-первых, недостаточную освоенность документальных пластов, содержащихся в отечественных архивах, в том числе – в общедоступных коллекциях ЦК ВКП(б). Во-вторых, современная Россия — отнюдь не единственная страна, архивы которой хранят важные свидетельства о деятельности Политбюро ЦК ВКП(б). Комплексный анализ и архивные открытия разнообразных документов о деятельности советского Политбюро могут многое изменить в сегодняшнем взгляде на нее и порожденные ею проблемы.

¹⁵⁴ Мы оставляем в стороне вопрос о документах, накопленных иностранными секретными службами. Насколько нам известно, наряду с документацией германских спецслужб исследователям ныне доступны лишь фрагментарно сохранившиеся материалы чехословацкой и польской военных разведок.

До передачи Франции материалов французского генштаба, хранившихся в Особом архиве, исследователям выдавались некоторые материалы Deuxième Bureau. Один из них, содержащий “речь Сталина”, якобы произнесенной на собрании “Политбюро и руководства Коминтерна” 19 августа 1939 г., был опубликован Т.С.Бушуевой в обзоре сочинений Суворова-Резуна (Т.Бушуева. “Проклиная – попробуйте понять...”// Новый мир. 1994. № 12. С.230-237). Текст “воспроизведен на основе французской копии, сделанной, вероятно, кем-то из Коминтерна, присутствовавшим на Политбюро”, причем автор убеждена, что “подлинник” – “в архиве за семью печатями”. Между тем, “этот безусловно исторический документ” содержит, среди прочего, указание на готовность Германии “уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию”. Одного этого достаточно, чтобы предположить, что в руках исследовательницы находился как раз искомый “подлинник”, а опубликованная ею “речь Сталина” – не что иное, как русская копия с донесения агента (или доброжелателя) Второго бюро, который никогда не присутствовал на заседаниях Политбюро.

Анализ польских документов (их архивная обработка еще не завершена) свидетельствует о крайней приблизительности информации, которая поступала в Варшаву из “Секретариата Политбюро”. Скорее всего, ее источником были слухи. (См., в частности: [Oddzial II Sztabu Glównego] do T.Schaetzla, 23.8.1933 — ЦХИДК. Ф.308. Оп.19.Д.31. Л.86-86об). Увы, как заметил один из героев Ле Карре, правительства подобны рядовым потребителям: они с недоверием относятся к бесплатно получаемым товарам и сведениям и склонны слепо верить в надежность тех из них, за которые дорого заплачено.

¹⁵⁵ См.: Запись беседы М.М.Литвинова с А.Залеским, 5.12.1927 // ДиМП. Т.V. М., 1967. С.238. Для понимания возможных путей циркуляции политической информации следует помнить о давних родственных и социальных связях внутри «интернационализировавшейся» в 1917-1920 гг. восточноевропейской элиты. Например, полпред Ф.Ф.Раскольников по приезде в Таллинн обнаружил на посту командующего военно-морскими силами Эстонии адмирала Германа Зальца – старого приятеля и заместителя по Балтфлоту, с которым был совершен «ледовый поход» из Гельсингфорса в Кронштадт (несколько месяцев спустя Зальца «легально уехал из РСФСР»). Адмирал немедленно поделился с Раскольниковым своими заботами и рассказал о состоянии эстонских судов, корабельной артиллерии и т.д.; командующий ВМС РККА поблагодарил полпреда за полученные сведения и поручил уточнить некоторые из них (Письмо Р.А.Муклевича Ф.Ф.Раскольникову, 5.4.1930. – РГА ВМФ. Ф.Р-1483. Оп.1. Д.95. Л.14).

¹⁵⁶ КА. R. Holstin kokoelma. Kansio 61. Suomen lähetystön Tallinnassa raportti N 1. 8.1.1926. Один из любопытных аспектов этого документа состоит в ассоциировании позиций Литвинова и будущих руководителей “правого уклона”. Применительно ко второй половине 20-х гг. эта связь документально установлена (см. вступительную статью к разделам 1 и 4).